

12+

Даниил Ященко
Противостояние Предназначению

Летописи миров 2

Дэн Викторс

Противостояние Предназначению

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Дэн Викторс

Противостояние Предназначению / Дэн Викторс — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-08942-6

Летописи миров - масштабный фэнтезийный цикл, как обычно, посвященный борьбе Тьмы и Света. Вас ожидают могучие герои, великие маги и божественные сущности, которые руками смертных решают свои конфликты. "Противостояние предназначению" продолжает начатую историю. В центре повествования некий паренек, от непростой судьбы с душевных метаний которого зависит противостояние Света и Тьмы. Ведь ему, ничем не примечательному охотнику на адских тварей, суждено стать важной фигурой в этой войне.

ISBN 978-5-532-08942-6

© Дэн Викторс, 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Пролог	5
Часть 1: Распутье	7
2	9
3	11
4	13
5	16
6	18
7	20
8	22
9	24
10	28
11	31
12	34
13	36
Часть 2: Тьма	38
2	40
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пролог

За окнами стоял самый разгар погожего дна середины весны. Солнце швыряло копыя своих лучей в витражи храма, однако они умирали, не достигая алькова, где, в дыму курильниц, сидела, скрестив ноги, женщина с наброшенным на лицо покрывалом.

В самом зале, тоже полутемном и почему-то холодном как склеп, кто-то шевельнулся, передвинулся на пятнышко теплого света. Хрустнули расправляемые суставы.

–Я не уверен, что она войдет в транс, – пробормотал тот, который двигался, солнечная стрела заиграла на рукоятках торчащих из-под черного плаща золотых сабель, – Смирись, Исмен, мы теряем время.

–Согласен с Лаэрдинном, – ответил от колонны совсем еще юноша на вид в белой тунике, отчаянно сдерживающийся, чтобы не закашляться от тяжело пахнувших дымов, застилавших, как туман, все внутреннее пространство храма.

Третий остался стоять, как статуя, перед ступенями в альков, лишь пальцы сильнее стиснули эфес меча на бедре.

–Я знаю, что делаю. Сивилла даст пророчество. Понимаю, срубить голову бешеному мармедону и швырнуть молнию в кракена гораздо легче и приятнее. Наберитесь терпения, братья.

–Терпения, – фыркнул Лаэрдинн, – Уж Миттео со товарищи явно не сидят без дела, а выдумывают новую интригу. А Элозар опять двинул армии на очередной беззащитный мир. Ты как знаешь, Исмен, а я отправляюсь махать мечом.

Тот, кого называли Лаэрдинном, развернулся, красиво взмахнув накидкой, и направился к чернеющему выходу из храма. Сивилла, про которую все уже успели позабыть, вдруг выпростала руки из широких рукавов грубой власяницы и возопила что-то непонятное. Исмен взбежал по ступенькам и наклонился к самому рту женщины, чтоб, не приведи Свет, не пропустить ни одного слова. Юноша поудобнее подпер колонну – он-то знал, что пророчицы болтают, как заведенные и ожидание конца может изрядно затянуться. Лаэрдинн же просто обернулся.

–Я Вижу! – закричала сивилла, явно оглушив Исмена, – Плывет мой разум по волнам грядущего, словно утлый челн. Он бороздит мутные воды того, что будет и того, что может случиться, равно как и того, что не случится никогда...

–Началось в деревне утро, – прошептал юноша, однако Исмен услышал и рыкнул в ответ: –Ариэль, заткнись!

–...Аааа, я зрю. Инквизиторы собрались вокруг тела моего. Ждут они слов о грядущей войне. О боях Света и Тьмы, и желают знать Инквизиторы, на какую сторону им скажет встать Творец. Светом и Тьмой клянусь, внимайте мне, и не говорите, будто не слышали.

Покрывало упало с лица пророчицы. Прямо в лицо Исмена, вздрогнувшего от такого зрелища, глянули заросшие глазницы, покрытые уродливыми шрамами. Лаэрдинн сглотнул, как похожа стала неизвестная женщина, нет, даже девушка, на некую оставленную далеко-далеко эльфийку...

–Ты, полуэльф-воитель, что замыкаешь братство Инквизиторов, – высохший палец с длинным ногтем безошибочно указал на Лаэрдинна, – Слушай. Потомок ученика некоего человека магией владеющего, которого ты приветил и другом назвал, что жизнью рисковал не ради тебя, равно как и ты ради него. Потомок его придет в иные миры, ибо такова награда его отца...

–Ардалисс, ученик Шакура, – прокомментировал тихо полуэльф, – Он сумел пробить завесу и выйти в межпространство. Творец наградил его за спасение моей Родины. Но почему сивилла говорит об этом, это же случилось лет пятьдесят назад.

–Потомок потомка этого человека встанет на распутье. Он родится таким же, как и ты, скитающимся по путям, колышавшимся под ветром Тьмы и ветром Света, ровно молодое дерево,

но будет он творить добрые дела. Но Судьба толкнет его на другую сторону. Дороги Тьмы откроются ему. И встанет он в ряд с Владыкой Теней, и гордо вскинет голову, и поднимет он меч на тех, кого называл братьями своими. И станут вдвоем они ужаснее Трех, что в замке своем заточены, и падет пред ними Пирамида. Но коль не сойдет он со Светлого пути, быть вам в ряду Тьмы и вести ее полки на поле смертное. И тебе, полуэльф-воитель, что дракона погубил, рука об руку с врагом заклятым биться начертано.

–Шас, да кто кого прирежет раньше, Элозар меня, или я его.

–Уходим, нам больше ничего не надо знать, – проговорил Имен. Все трое исчезли, оставив после себя только следы на вековой пыли, покрывающей пол храма. А сивилла, затряслась в трансе, из носа и ушей ее потекла кровь и уже секунду спустя девушка была мертва.

Часть 1: Распутье

1

Несмотря на погожий теплый день, обитатели деревни не спешили покидать домов. Изредка только какая-нибудь детская мордашка мелькала в дверях, но испугано убиралась прочь, стоило пришельцу посмотреть туда. Шэйрад привык. Страх был его проклятьем, но одновременно и свидетельствовал о его репутации. Чем больше тебя боятся, тем лучше ты делаешь свою работу.

К несчастью, оборотням, вампирам, гулям, мантикорам, василискам и прочим тварям страх свойственен не был.

Шэйрад остановил коня перед преградившей дорогу местной милицией – горсткой тех же мужиков, которым выдали копыя и кустарные, бездарно выкованные палаши. Было видно, что каждый из ополченцев просто-таки стораает от желания оказаться как можно дальше от этого парня, одетого в кожаную куртку с торчащими наружу шипами, за спиной которого болтается чуть длинноватый для него полуторный меч с горящим в эфесе сапфиром. На ведомого в поводу ослика селяне вообще старались не смотреть. Некоторый опыт общения с угрюмым (а каким еще прикажете быть при такой профессии?) молодым человеком подсказывал – на спине ослика под толстой попоной не скрывается ничего хорошего. Очередное чудовище, смотреть на которое – лишь желудок портить.

Сквозь отряд милиции протиснулся старейшина. Этот, в отличие от подчиненных, листом на ветру не трясся, хоть и смотрел исключительно под ноги каурой лошадке.

–С чем пожаловали, мэтр Шэйрад? Удачно ли было ваше путешествие?

Шэйрад выдержал театральную паузу, заставляя старосту понервничать, а ополченцев – основательно пропотеть.

–Мантикора, – проговорил наконец парень, прищурив глаза и постаравшись как можно циничнее ухмыльнуться, хотя недавнее свидание с полуволком-полускорпионом, в добавок наделенном крыльями к смеху не располагало, да и ребра еще болели (надо бы проверить, не приведи Тьма, переломала тварь кости!)

–Баттюшки. Ментихора. Творец защиты...

–Творец как не знаю, а я защитил. В миле от плетней была. Так что, староста, раскошеливайся. Не то сам знаешь, – юноша выразительно потянулся к завязкам, стягивающим попоны. Этот трюк он усвоил: в этой деревушке староста был на редкость жаден, поэтому Шэйрад старался всеми силами показать, что трофеи его живы-живехоньки. Для этого даже пришлось как-то тащить действительно живого арахна и отпускать его при всем честном народе, но блеф того стоил. Староста обозленного арахна помнил. И потянулся за мощной с золотыми, неровно обрезанными кругляшками. Шэйрад же демонстративно спешился, не спеша обнажил меч, давая зрителям из числа милиции и припавших к окнам селян получше рассмотреть клинок, и ткнул в и без того мертвую мантикору. Завязки, повинувшись безмолвному движению пальцев, распустились, и труп упал в пыль.

–Триста, – объявил Шэйрад, садясь на коня, – плюс обед, ужин, ночь в трактире и овес для лошади и осла.

Получив деньги, молодой человек направил коня к единственной в деревне корчме, где собралась добрая половина местных мужиков. Он ехал по улице, и все уступали дорогу, прижимались к стенам домов, падали в кучи нечистот, лишь бы держаться подальше от жуткого ворлока. Все, кроме маленькой девочки лет девяти-десяти. Она смело вышла на дорогу, протягивая ворлоку прошлогоднее яблоко, сохранившееся в леднике. С Шэйрада слетела маска холодного профессионала. Он протянул руку навстречу девочке. Еще чуть-чуть, и их пальцы

встретились бы, но кто-то, видно, мать ребенка, схватила ее за подол и рванула к себе. Ничего, решил Шэйрад, пара материнских тумачков еще никого не убила, ведь не забьет же мать свое дитя до смерти.

В таверне, как всегда, никто не двинулся с места, чтобы уступить юноше место. Его лишь одарили испуганными взглядами, а корчмарь поспешил усласть на кухню пригожих дочек, а к клиенту отправил служанку пострашней. Шэйрад высмотрел себе единственное свободное место за столом рядом с женщиной лет тридцати пяти, тоже пришедшей в деревню. Она сама показала на свободное место рядом с собой. Нехотя, Шэйрад сел.

–Только не надо снова начинать про грех убийства и прочую вашу друидскую муть, – предупредил он.

–Зато друидскую муть привечают везде, ворлок, а твое душегубство почитай и нигде. Кого изничтожил на сей раз?

–Манतिकору. Скажешь, безобидное животное, редкий вид, интересная, как оно, туда-ция...

–Мутация, ворлок, мутация. Весь ум в меч вышел. Госпожа Тириэль учила...

–Я в курсе, чему учила эта эльфка, – рявкнул вдруг Шэйрад, – Из-за ее бреда моя работа упала в цене. Раньше друиды хотя бы держали свой язык за зубами, касательно монстров, а с приходом эльфки заговорили, мол, само уйдет, только прикормите малость мясцом бараньим. А я с голодухи пухни!

–Прости.

Повисла неприятная пауза, прерываемая только звуком опускающейся в суп ложки. Наконец, когда Шэйрад расправился с супом и приступил к баранине с картошкой, друидка спросила:

–Куда ты собираешься идти?

–Не важно. Дорог много, и на каждой я найду себе хлеб и ночлег.

Снова помолчали. На этот раз молчание вновь нарушила женщина:

–Я хотела спросить, почему ты перестал учиться врачеванию и занялся...этим?

Шэйрад отложил ложку и посмотрел на нее.

–Я узнал, что хотел, поэтому и ушел. Мой дед боролся с нечистью. Ну, в каком-то смысле, отец вообще сбежал в Вольную роту, с которой маршировал почти десяток лет, пока не открыл в себе Силу. У меня не было выхода. Вот так я и стал ворлоком, воином-колдуном, убийцей чудовищ и пугалом для детишек. Давай прекратим об этом.

2

Едва рассвет робко озолотил покатые дерновые крыши, ворлок был уже в седле. Конь и осел бодро трусили по первой попавшейся тропке – так Шэйрад обычно выбирал направление. Сам всадник примечал каждую мелочь, свидетельствующую бы о его нужности в округе. Пока таковых не обнаруживалось. Разве что в развалинах хибары уже умершего отшельника притаилась парочка разбойников. Но с людьми Шэйрад связываться не стал – не его это дело. Лишь бросил пару отводящих глаз заклинаний, чтоб не вводить честных разбойников в соблазн и, соответственно, избавить себя от необходимости убивать бедолаг.

На второй день показались поля – верный признак того, что рядом люди. А то, что поля были в крайне запущенном состоянии (даже далекому от сельского хозяйства ворлоку это было понятно) говорило о том, что голодным в эту ночь спать не придется.

И действительно. Не успела кавалькада из кобылы и осла зайти за плетень, навстречу выбежали местные старейшины – седые старик, метущие бородами землю. Шэйрад остановился. Ждал. Старейшины тоже ждали. И оценивали. Ворлок – враз видать. Но молодой, едва двадцатую весну видит. Да и меч у него явно с чужого плеча, иначе не болтался бы за спиной, а висел, как положено. Но бывалый – он, все лицо изрезано застарелыми шрамами, скрыть которые полностью не по силам никакой магии. С другой стороны, на вид ничего особенного – худощавый подросток, пытающийся выглядеть старше и злее. Но выбора не предоставлялось. Скрепя сердце, самый старый заговорил:

–Привет наш тебе, ворлок. Не согласишься ли избавить нашу деревню от напасти? – ответа не последовало, и староста продолжил, – За достойную плату, разумеется.

–Кто? – как можно резче и холоднее произнес молодой ворлок.

–Вампир, ваша милость, вон там засел, извел, совсем житья нет. Пойдут человеки за хворостом, али по грибы-ягоды, и почитай что и нету его. Только кузнец наш вернулся. Да и то еле жив.

–Тысяча.

–Да помилуй, ворлок...

–Тысяча, – повторил Шэйрад и тронул коня. Видя, что помощник вот-вот уйдет, староста стал сговорчивее.

–Сперва мне надо видеть вашего кузнеца.

Шэйрада проводили в хижину, где под тремя одеялами, испачканными кровью, дрожал могучий мужчина. Ворлока враз бросило в пот от стоявшей жары – вовсю пылала печь, несмотря на теплую погоду на улице.

Шэйрад откинул одеяло: весь бок мужчины был сплошным куском мяса. Но это мало заинтересовало молодого человека. Внимательно он осмотрел шею человека, где проходят кровеносные сосуды, не найдя там ничего, вытащил спрятанные под одеялом руки кузнеца. Левая была перевязана у запястья. Недолго думая, Шэйрад размотал повязку.

–Он умрет к ночи, – вынес он приговор. Дородная баба, очевидно, жена кузнеца, взвизгнула:

–Как же ж так, сударь, бок-то почти не кровит уже. А шкура-то заживет.

–Он умрет к ночи, – повторил Шэйрад, ткнув пальцем в две почти незаметные точки на запястье кузнеца, – От этого. И станет вампиром, рабом того, который в лесу.

–Сударь ворлок, – вмешался староста, – Что-то сделать можно.

Шэйрад выразительно показа на свой меч. Баба опять взвизгнула, старик кивком выразил согласие. Ворлок бережно вытащил меч из ножен, перевернул его острием вниз и сказал кузнецу:

–Ты сам понимаешь. Это – меньшее зло, – умирающий тоже кивнул, хоть из глаз его и брызнули слезы.

Баба и старик зажмурились. Услышали звук пронзающей плоть стали и непонятную фразу ворлока:

– Exzortsio.

Ближе к полуночи Шэйрад выехал туда, где, по слова старосты, прятался вампир. Страхи ночного леса его не пугали, лишь чуточку нервировали. Намного логичнее было бы пойти туда днем, когда вампир спит или, по крайней мере, ослаблен. Но терять время на рысканье вокруг деревни Шэйрад не хотел.

Он выбрал симпатичное место, привязал кобылу к дереву и запалил костерок. Сам присел спиной к стволу, положив поперек колен обнаженный меч. Оставалось только ждать. Под пофыркивание лошади и треск сучьев в костре Шэйрад стал клевать носом. Но едва услышал легкий шажок по густой траве, который не различило бы ни одно человеческое ухо, вскочил с мечом в руке. Сзади что-то дернулось, клинок со свистом рассек воздух, но впустую. Ворлока бросило на могучий ствол дерева, рука сдавила горло, в нос ударил смрад застаревшей крови. Перед юношей стоял мужчина в слишком дорогой для селянина одежде. Пухлая сума у пояса выдавала купца. Однако из-под верхней губы торчали клыки, еще короткие и не особо острые, но опасные. Вампир был моложе даже Шэйрада. В смысле, как вампир.

–Immovabillium totalus, – бросил прижатый к дереву ворлок, особым образом складывая пальцы. Почти человеческие клыки замерли, вампир зашипел, борясь с заклятьем, но его сил явно не хватало.

–Попался, кровопийца, – довольно сообщил Шэйрад, не спеша отыскивая отлетевший в сторону меч, – Теперь немного поиграем. А, вот и он. Что ж, ничего личного.

Все еще обездвиженный заклятьем вампир глухо зарычал. Никуда не торопясь, Шэйрад примерился и рубанул по нечисти. Рана прошла от левого плеча, до правого бедра. Зачарованный клинок убил вампира. Ворлок отрубил утратившую человеческие черты голову – это доказательство сделанной работы – навалил на труп заранее собранного хвороста (магии он не сильно доверял, понимая, что ворлокам удаются лишь несложные заклинания, да и то не в полную силу, если не накачаться предварительно одурманивающими разум зельями), сложил пальцы в Символ Огня, и приказал:

–Flammale.

Веселые ярко-оранжевые язычки охватили останки вампира. Ворлок дождался, пока страшный костер прогорит, выкопал небольшую ямку и ссыпал в нее пепел, снабдив очередным заклинанием-экзорсизмом.

3

Утро застало Шэйрада разбогатевшим на тысячу монет и насытившимся в местном трактире, но к тому моменту, когда солнце показало теплую улыбку, он был уже в дороге.

Нос ворлока щекотал запах палов, оживающих после зимней спячки деревьев, пускающих свои соки, и тот неуловимый и необъяснимый аромат, что растекается в воздухе, лишь когда приходит весна.

Работу он отыскал довольно быстро. Стоило только свернуть с наезженной дороги. Шэйрад натолкнулся на старый, давно покинутый погост с разрытыми могилами. Даже не слезая с лошади, ворлок определил, что могилы словно взорвались изнутри. Да и эфир еще таил отзвуки колдовских формул, произносимых здесь. Некромантия. Кто-то баловался с самым черным и мерзким знанием. По-хорошему, юноше стоило набросить на кладбищенскую ограду все доступные ему охранные и запирающие заклятья и нестись куда-нибудь, где есть шанс встретиться с другим некромантом, использующим Темное искусство во имя целей Света. Но развороченных могил было всего три. С тремя восставшими от вечного сна мертвяками и их хозяином ворлок был в состоянии управиться лично. Правда, другие надгробья вызвали подозрения, но критической ситуация не была. Неумелые чары неведомого некроманта лишь потревожили сон хозяев могил, но не прервали его.

–Что ж, – сказал молодой ворлок коню, – придется нам с тобой тут задержаться и сделать кое-какую работу. Интересно только, кто мне за нее заплатит.

Шэйрад распаковал выюк, притороченный за седлом, повытаскивал на свет склянки с матовыми эликсирами, травы и разнообразные, и порой не особо приятные предметы ритуальной магии.

–Не стоит беспокоиться, ворлок, – произнес кто-то из-за спины, – Я управлюсь быстрее тебя.

Неизвестный, старательно прятавший лицо, воздел высоко к небу оструганную палку, изображавшую магический посох. Шэйрад обратил внимание, что кожа на руках неизвестного была человеческой, но лишенной каких-либо возрастных дефектов. Значит, маг-самоучка (а кто еще мог бродить с самодельным посохом?) был молод. Тот выкрикнул формулу, почему-то ускользнувшую от чуткого слуха ворлока, и направил палку на одну из могил, затем повторил операцию второй и третий раз.

–Ты некромант, – догадался Шэйрад.

–Да, только не спрашивай мой диплом.

–Твоя работа?

–Признаюсь честно, моя. Тише, ворлок, не надо хвататься за меч. В мире, да будет тебе известно, не все делится только на черное и белое. Я выполняю свое предназначение. Не моя вина, что я родился с Силой, дающей мне власть над мертвяками. И я лишь учусь контролировать эту Силу.

–Ты вредишь людям.

–Тебе-то какое дело? Тебе же не заплатили. Да, мои зомби задрали и слопали парочку селян, но... как бы тебе объяснить, волки убивают слабых животных, отбившихся от стада и не способных убежать. Так и они, убили слабых.

–На что ты собираешься употребить свою силу, когда научишься ее контролировать? – спросил Шэйрад, решая про себя дилемму, сводящуюся к простым словам: убить – не убить.

Некромант-самоучка замялся на мгновение, тяжело оперся на свою палку.

–Знаешь, ворлок, я не знаю. Может, буду ходить по кладбищам и упокаивать беспокойные погосты, может – подниму сотню-другую мертвяков и отвоюю себе спокойных уголок.

Этих слов для Шэйрада было достаточно. Он одним движением достал меч и бросился на колдуна, но расстояние было слишком велико – тот успел увернуться и крикнуть, наставив палку на ближайшую к ворлоку могилу:

–Rizio corpus!

Высунувшаяся из-под земли рука схватила ворлока за щиколотку. Тот упал. Сзади брызнул фонтан земли, пробитой поднимающимся трупом. Шэйрад сложил пальцы в «козу» и бросил:

–Explosio!

Живой труп словно взорвался изнутри, обдав юного ворлока столбом гнили и вековой пыли. Но некромант успел поднять еще одного, который теперь медленно, как все зомби, шагал, вытянув сухие костистые руки. В дело вступил зачарованный меч Шэйрада – знаменитая Рубила, передававшаяся в его семье от отца к сыну уже три поколения. Сдобренная наговорами сталь отсекла мертвяку кисть, затем голову и третьим взмахом развалила торс надвое. Некромант снова нацелил свою палку на очередную могилу, но ворлок помешал ему, сложив пальцы в символ Пламени и приказав: «Flammale».

Импровизированный посох колдуна загорелся, как самая обыкновенная палка (коей он, собственно, и являлся). Тот не успел отреагировать, а ворлок уже мягко, по-кошачьи шагнул к нему. Шаг левой, полуповорот, клинок взлетает вверх, разворот, и лезвие меча, с визгом рассекая воздух, вгрызается в мягкую податливую человеческую плоть.

4

Как и опасался молодой ворлок, платы за труп некроманта и двух зомби он не получил, хотя демонстрировал эту ношу со спины своего ослика в трех попутных деревнях зараз. Отчаявшись, он сбросил все три тела в придорожную грязь и запечатал чарами Уплотнения.

Приближался Оканн – город-перекресток, откуда можно было свернуть в любую часть мира. Говорили, что если идти от Оканна на север через Непроходимый перевал, где гибли все отчаянные смельчаки, то через месяцы можно добраться до зловещей Ледяной пустоши, где стоит окутанный мраком Замок Теней – обитель Темных сил.

В городе Шэйрад планировал подзаработать (местные разжиревшие маги и иже с ними считали ниже своего достоинства истреблять тварей в подземельях города, ограничиваясь лишь пусканием Огненного шторма раз в год, от которого подземные твари давно научились хорониться) и решить, куда двигаться дальше, кому предложить свои услуги. Говорили, что в Норе – стоящем на отшибе хуторе, где жили и тренировались такие же, как сам Шэйрад, появился новый ученик... Можно съездить туда, навестить братьев (не кровных, разумеется, но по духу) и отца, если тот уже не бросается с мечом на всех подряд с криком: «Смерть магикам!». На востоке на большак вышли ватаги гоблинов... Это сулит неплохой заработок. В самом городе, в эльфийском квартале, участились странные смерти, судя по симптомам, работа василиска... Что ж, можно разобраться. Магистрат заплатит, да и благородные эльфы в долгу не останутся. Эльфийские луки ценятся высоко... В лесах под Барадеем встречали мантикор и химер... Глупости. Если бы их встречали, то об этом некому было бы рассказать. Да и леса эти издавна были заповедными рощами друидов. А магам, посвятившим себя изучению сил Природы, ничего не стоило зачаровать опасного зверя и выдворить подальше.

Так размышлял Шэйрад, сидя в трактирном зале лучшей в городе гостиницы. Конечно, дорогое удовольствие, но денег было в достатке. Вдруг хозяин гостиницы засуетился, заорал на прислугу. Те бросились врассыпную: кто сметать кое-как вытертую пыль, кто в подвал за лучшим вином, кто на кухню, торопить ленивых поваров.

В подобной суете немудрено было пропустить самих виновников кутерьмы. Но те появились так, что автоматически притянули к себе глаза всей публики. В широко раскрытую пинком ноги дверь ввалилась компания. Человек десять-двенадцать. Все в черном, как стая воронов, все при оружии и в вороненых кольчугах под одеждой. Они деловито зашагали к самому большому столу, рассчитанному человек на двадцать. Сразу вслед за эскортом в зале появились еще двое. Один невысокий и щуплый с развевающейся окладистой бородой, до белизны пальцев сжимающий посох – отличительный символ дипломированного мага. Второй – высокий, особенно по сравнению со спутником, жилистый, напоминающий холодный стилет: такой же опасный и смертоносный. Этот щеголял в плаще из искусно сшитых, так что не было видно швов, волчьих шкур. Посреди довольно теплой, если не сказать жаркой, весны этот плащ смотрелся смешно, если даже не комично. Однако ни один из присутствующих в зале не съязвил по этому поводу, не хрюкнул от смеха, даже не скользнул по сему предмету туалета насмешливым взглядом. Шэйрад знал, что этот-то, хоть и не выглядел отчаянным головорезом (в отличие от своего эскорта), висящий на бедре меч выхватит быстрее даже чем сам ворлок моргнет глазом. Сгибаясь в три погибели и едва не подметая бородой пол, хозяин лично отнес новопривывшим гостям кувшин вина. Юный ворлок, откинувшись в тень, набил вторую трубку. Он-то чувствовал на своей персоне Астральный взгляд – сканирование ауры, исполнять который мог только обладатель посоха, сидящий с черной компанией. Наконец, вдоволь насмотревшись, седобородый что-то зашептал на ухо своему спутнику в волчьем плаще, иногда кося глазом на ворлока.

По сигналу «волчьего плаща», который в отряде был за главного, от стола отделился один из воинов и твердо зашагал к Шэйраду.

–Ты, – рявкнул он, таща меч из ножен, – Ну-ка оторви седалище и сражайся как мужчина.

–Мне не за чем..., – начал ворлок, но закончить не успел – удар меча развалил его стол надвое. Второй снес бы юноше голову, не уклонись тот. В третий раз клинок встретил уже сопротивление металла другого меча. Никто в зале, кроме «плаща», надо думать, не понял, каким образом меч воина оказался воткнут в половицу, а сам он – лежащим на соседней. Шэйрад крутнул Рубилу в совершенно не произвольном салюте, но от большого стола отделилось еще двое с оружием наголо. У одного причем, помимо меча был еще и кистень.

–Государь, прошу, – взмолился трактирщик, – только не в моем заведении.

Но его не послушали. Один из надвигающейся на Шэйрада парочки смел корчмаря тычком локтя.

Свистнул шипастый шар кистеня, и одновременно с другой стороны второй нападающий распластался в классическом фехтовальном выпаде, целя проткнуть юноше печень прямым клинком. Однако меч не вошел в тело. Вместо этого на сталь обрушился крушащий черепа удар кистеня. Шэйрад уже был сбоку от первого. Лезвие Рубилы блеснуло в проникающем в окна солнечном свете и перерубило цепь, крепящую шар к рукоятке. Вторым воин в это время тупо глазел на обломок меча в руке. Пока до него дошло выдернуть из досок пола меч так и не оклемавшегося предшественника, с его товарищем было покончено. Мечи два раза скрестились, потом оружие воина, от красивого и невозможного без рефлексов и скорости ворлока финта полетел прямо в «волчьего плаща». Тот чуть отклонил голову от пролетающего острия и схватился за рукоятку, при этом не прекращая смачно обглаживать баранью ногу. Сам же воин получил удар эфесом по голове и отключился. Другой противник Шэйрада догадался вытащить застрявший меч и подкрался к ворлоку сзади, но смертельный удар пропал втуне. Юноша парировал, даже не повернувшись к противнику. Он что-то прошептал, и бывшего воина снесло в другой конец зала.

Из-за стола выскочило еще трое мечников, но «волчий плащ» их остановил движением когтистого пальца, скривил губы в непонятно-жуткой гримасе, показывая клыки, и бросил ворлоку:

–Эй, ты, убери меч и садись к нам, разговор есть.

–Сначала убить пытаетесь, а потом разговоры говорить?

–Брось, мальчишка, если б тебя убить хотели, по-другому бы обернулось. Просто проверка. Я ж не могу абы кого за свой стол приглашать.

Логика в рассуждении «плаща» была. Шэйрад присел на одно из свободных мест.

–Я – Волк, – представился «плащ».

«-Зверомаг, – понял ворлок, – Маг-перевертыш, отличающийся от оборотня только тем, что при трансформации в свою звериную ипостась сохраняет разум и может делать это произвольно»

Второй, маг с посохом, так и не представился, но с новой силой зашептал что-то Волку на ухо. Тот покивал, а потом отмахнулся, как от надоевшей мухи.

–Хм, меч у тебя интересный. Можно?

Нехотя Шэйрад отдал Волку ножны с оружием. Тот обнажил клинок, провел пальцем по лезвию, взмахнул пару раз, оценивая баланс, поцокал языком, глядя на богато украшенную сапфирами рукоять.

–Мда, интересное оружие. Видел я однажды подобный меч. Очень далеко отсюда и очень много лет назад. Да. Странно, клинки похожи, как близнецы. – Волк вперил желтые глаза в глаза ворлока, словно подозревая его в чем-то, – хотя нет, ты тогда, почитай и не родился. Ворлоки же не обладают долголетием или бессмертием. Ладно, Тьма с твоим мечом, парень. Я не за этим тебя позвал. Слушай, ты как насчет заработать? У меня есть дело для тебя.

–Я весь во внимании, Волк.

–Мой сеньор собирает отчаянных парней. Для одного дела. Ты можешь быть нам полезен.

–Как именно? – Шэйрад опять надел маску холодного профессионала.

–Для начала, отправляйся со мной в Замок Теней. Дорога не займет много времени, пару дней, как только мы закончим одно дело, наш маг откроет портал. В накладе ты не останешься. Мастер заплатит даже только за то, что ты с ним встретишься. Ну как?

Молодой ворлок задумался. С одной стороны, деньги просто так не получают, да и иметь дело с кем-то из Замка Теней – анклава темных (в смысле организованных Темных) сил в этом мире – может быть опасно. С другой, отчего бы и нет, все равно это лучше, чем скитаться по градам и весям, торгуя своим искусством и получая взамен испуганные взгляды, и служить страшилкой для непослушных детей.

–Можно попробовать.

–Хорошо. Тогда через три дня встретимся здесь же. Пока отдохни в борделях и трактирах. Золото-то есть? Вот и ладушки. Советую не пренебрегать выпивкой и продажными девками, если примешь предложение Мастера, долго этого не увидишь.

5

Озеро отражало бледный шар полной луны, ломающийся от ряби низвергающейся водопадом воды. Сидящий на плоском валуне у кромки озера Исмен движением руки погасил картинку. Закусил губу до крови, намотал на палец прядь волос.

– Это тот человек, о котором говорила сивилла? – спросила женщина.

– Очевидно, – отозвался мужчина.

У озера сидели десять Инквизиторов. Все они видели, как молодой человек в видении, вызванном Исменом, расправлялся с тварями, скитался по городам, отбивался от подручных Волка. И слышали разговор в оканнской гостинице.

– Кто-нибудь может ответить, сможет ли Элозар сманить этого юношу?

– Ты, как и мы все, слышал пророчество сивиллы. Смысла что-то предполагать нет.

– А я вообще не понимаю, за каким нам сдался этот человек. Он не имеет особых сил, да, у него зачарованный меч, но, тьфу, тростинка, по сравнению со многим и многим оружием Светлых.

– Но пророчество, брат, не стоит забывать слова сивиллы.

– А я вообще согласен с братом Лаэрдинном, ныне, увы, отсутствующим. Тьма с этим пророчеством. Нам надо сконцентрироваться на более важных проблемах. И я не понимаю, почему ты, Исмен, считаешь этого мальчишку делом более важным, чем, например, Меч Света, Темная троица и всегдашний наш чирей на заднице – лорд Элозар и его патрон Ириодал?

Погруженный в размышления, старший Инквизитор не ответил. Говоривший последним отметил это и продолжил мысль:

– Я, признаться, крайне рад, что хоть кто-то озаботился Мечом Света. Лаэрдинн и Ариэль...

Закончить ему не дали две вспышки телепортации, в которых появились грязные и потрепанные полуэльф Лаэрдинн и чистокровный эльф Ариэль. Несмотря на изорванную одежду, покрытую грязью и кровью, причем не везде чужой, они были довольны.

Исмен сменил позу: обернулся на своем валуне, прекратив наматывать локоны на палец.

– Ариэль, Лаэрдинн? Что вы здесь делаете?

Полуэльф саркастически ухмыльнулся и достал из-под черного плаща продолговатый сверток, замотанный в тряпицу. По мощнейшей Силе, прямо-таки вырывающейся из-под куска не особо чистого полотна, все присутствующие догадались, что в свертке.

Тем не менее, Лаэрдинн размотал полотно. На свет показалось молочно-белое лезвие недлинного чуть изогнутого меча, жители Земли – мира, ставшего моей тюрьмой, называют такие катанами. Держа меч за все еще обмотанную толстой тканью рукоять, Лаэрдинн высоко поднял его над головой.

– И? – проговорил Исмен.

– Есть проблема, – начал Ариэль, – Хоть Меч Света и у нас, владеть им не кому. Это оружие, как и некоторые другие, подобные ему, экземпляры сами выбирают себе хозяина.

– Видишь, Исмен, – вступил Инквизитор, выразивший недавно поддержку Лаэрдинну в некоем имевшем место ранее споре, – И без мальчишки забот хватает.

– Мальчишка? – насторожился Лаэрдинн.

– Да. Исмен продемонстрировал нам его с помощью далековидения. Это действительно потомок, внук, если быть точным, ученика твоего друга, Шакура Орома. И он стакнулся с Волком.

– Свет и Тьма!

– Даже ты, Лаэрдинн, понял мою правоту, – съязвил Исмен.

– Не совсем, брат. Просто я считаю, что этот меч...короче, есть вероятность, что...

–Мой друг хочет сказать, что Меч Света выберет этого парня, – резюмировал Ариэль.

Среди Инквизиторов прополз шепот, вылившийся в стон одной из женщин:

–О, Творец, мы обречены.

–Не факт, сестра.

–Факт! – заорал вдруг Исмен, – Факт, Лаэрдинн. Меч Света предназначен тому, кто вот-вот обратится в слугу Тьмы. Нам вполне хватало того, что братом этого клинка владеет мерзопакостный Ириодал, чтоб папаше пусто было за таких сыновей. Так еще и второй меч Творца станет добычей Темных. Причем не али каких, а нашего, как тут выразился достопочтенный Яррим, давнего чирья на заднице, Элозара.

–И что? Владыке Холода не раз натягивали нос. Лично я это сделал сколько раз?

–Я б на твоём месте не недооценивал Владыку Льда. Помнишь, когда Ариэль и он сошлись в поединке, Ариэль чуть не погиб. Лаэрдинн, смирись. Судьба сильнее тебя. Предназначено, что этот паренек и Ириодал переплунут Миттео, Бальтазара и Азраила. Теперь я понимаю, почему.

–Но сивилла говорила и еще об одной возможности, – напомнил Ариэль.

–Сивилла видит лишь возможные варианты будущего. Этот парень, даже с Мечом Света, не сможет изменить Равновесие.

–Я все еще настаиваю на том, что слова сивиллы – бред. Каждый творит собственную судьбу. И я готов это доказать.

–Канн, не будь идиотом. Ты просто погибнешь, только и всего.

–Увидим.

Вспышка света, и Лаэрдинн исчез. Вместе с мечом. Исмен скривился, словно случайно задел больной зуб.

6

Лаэрдинн оказался перед знакомым дворцом. Когда-то, много лет назад, он сбежал из него с верным мечом. Воспоминания...

Он поднялся по ступеням мимо стражи, вскинувшей кулаки в салюте. Прошел через знакомые залы и коридоры к личным апартаментам царицы. За две сотни лет здесь ничего не изменилось. Разве что чуть поблекли гобелены на стенах, поистерлись ступеньки лестниц, стражи стало больше, а веселья меньше.

Лаэрдинн застыл перед двустворчатыми дверями, за которыми помещалась опочивальня Найтари. Странно было вспоминать то, что было: как бродяга-полукровка имел неосторожность полюбить наследницу дракморского трона, как нойонер царицы, в жилах которого кровь старшего народа была смешана с человеческой, робел перед ее изумрудными глазами, не решаясь произнести три простых слова. Как не раз сражался он и убивал за свою повелительницу. Как однажды ночью командир гвардии сбежал из царского, заново отстроенного на пепелище дворца. И наконец, признание во время боя. Боя, изменившего всю их жизнь. Опять сделавший их недосыгаемыми друг для друга. Он – Инквизитор, страж Равновесия, странствующий между мирами, тасуемыми, как карты в колоде. Она – простая царица, правящая жалким клочком одного из отдаленных, Творцом забытых миров. В том бою Найтари потеряла глаза. Он получил Силу. Но чувство осталось. Каждый раз, когда легендарные золотые сабли покидали ножны за спиной полуэльфа, он говорил себе, что должен выжить в схватке, чтобы еще раз увидеть милые черты, услышать этот голос, прикоснуться к рыжим локонам.

Он толкнул двери, растворившиеся с тихим скрипом. Инквизитор Лаэрдинн перешагнул через порог спальни и оказался снова Канном Тин-Лаэрдинном, нечистокровным бродягой, отпрыском ренегата.

Царевна повернула голову на звук. Губы ее тронула улыбка. Она жестом отпустила фрейлин, поправлявших одежду правительницы.

–Канн, – произнесла Найтари, глядя на него пустыми глазницами, закрытыми повязкой, – Ты пришел.

Канн опустил перед ней на колени, прикоснулся губами к ладоням.

–Да, Тари, это я. И я снова пришел попрощаться.

–Ты всегда прощаешься.

–На сей раз все серьезнее, чем всегда. Я собираюсь бросить вызов ни много, ни мало, а самой Судьбе. Изменить предназначение. Оказывается, даже Инквизиторы заблуждаются в том, что мы все творим свою судьбу сами.

–А какова твоя судьба, Инквизитор Лаэрдинн?

–Сейчас – быть с тобой. Потом – драться за то, чтобы быть с тобой.

–Скоро начнутся утренние аудиенции.

–У нас есть время. Прикажи страже никого не пускать.

Здание Академии магии в Арведайо всегда немного пугало Лаэрдинна, хотя он видел цитадели и куда внушительнее, Академии посерьезнее и чародеев посильнее ее хозяина. Но за последние пятьдесят лет он стал бояться именно этого замка над морскими волнами.

Ученик, уже заслуживший себе короткий магический жезл, провел гостя в кабинет ректора и оставил дожидаться хозяина. Скуки ради Лаэрдинн принялся изучать книги, коими был забит весть кабинет, если не считать стола (на нем были разбросаны пергаментные свитки) и

небольшого пространства на стене. Не трудно было догадаться, что раньше там висел меч. Но очень давно.

Когда гость прочитал первую главу «Подробного видоописания тварей магических», в кабинет вошел сам ректор. Он тяжело опирался на посох и на руку рослого и могучего подмастерья. За поясом сопровождающего торчала палочка, но за пазухой угадывался длинный кинжал. С недавних пор Шакур Ором завел себе телохранителя, едва-едва справлявшегося с максимально облегченной программой обучения магическому искусству, но в полной мере владеющего искусством убивать не эстетичным железом. Лаэрдинн отметил, что посох в руке ректора Академии был новеньким, в отличие от заношенного камзола и полинялой мантии. Это на Шакура не было похоже. Раньше он слыл щеголем, тщательно следящим за своей внешностью и подчиняющийся пискам моды.

–А, старый друг, – прокричал ректор. Друзья обнялись. – Тарик, оставьте нас наедине.

Едва за подмастерьем закрылась дверь, улыбка сбежала с лица мага, уступив место кислой мине. Он отстранил гостя и упал в кресло.

–Чем обязан? Очередная миссия во благо всей Пирамиды? Учти, Инквизитор, – это подчеркнутое обращение Лаэрдинн тоже отметил – раньше маг называл его именем, которое тот носил, еще не будучи двенадцатым стражем Равновесия. – Учти, у меня уже не осталось ничего, что можно отобрать и разрушить. Разве что тебе пригодится моя академия. Хотя думаю, она тебе не пригодится. Масштаб маловат для одного из избранных.

–Шакур, я понимаю...

–Милорд Ором, пожалуйста.

–...что моя вина есть во всем случившимся. Но, поверь, я не знал, что Тириэль уйдет, что Ардалисс окажется неблагодарной скотиной и сбежит к другим небесам с твоей Рубилой на поясе. Я не знал, что предотвращение гибели этого мира не снимет ту самую оболочку, через которую ты, да и никто другой в этом мире, не можешь прорваться. Я всего этого не знал, Шакур. Поверь, я соболезную всем твоим несчастьям. И, будь моя воля, я бы ни за что не заставил тебя снова искать и учить Ардалисса.

–Что с ним, кстати? Ты-то должен знать, где этот выродок скрывается.

–Да. Он живет в одном из ключевых миров Пирамиды. Правда, он сумел организовать школу ворлоков. Боевых магов иначе. Правда, его ученики слабоваты и не дотягивают до твоих факультативщиков.

–Ты отстал от жизни. Обучением боевых магов занимается теперь целый специальный факультет.

–И, если тебя это обрадует, я знаю, где Тириэль.

Глаза мага загорелись прежним огнем, погасшим много лет назад.

–Она там же, где и потомки Ардалисса. Проповедует учение друидов о силе Природной магии. Считается мастером одного из разделов. Мы встречались однажды. Правда, поговорить не смогли.

–Вот за эту весть я тебя прощаю. И опять готов сделать, что тебе нужно. Говори.

–Я уже получил то, зачем пришел, старый друг.

Инквизитор вышел из кабинета и телепортировался. Ректор Ором погрузился в какие-то расчеты на одном из многочисленных свитков. Когда-нибудь он найдет способ пробить скорлупу вокруг его мира. И слова Лаэрдинна добавили ему энергии.

7

Три дня пролетели, как три минуты за добрым вином и с красивой женщиной. Ровно в срок Шэйрад был в приснопамятной гостинице, ждал Волка с головной болью и изрядно оскудевшим кошельком – любовь женщин стоила дорого.

Дело шло к закату. Ворлок начал думать, не без доли надежды, что Волк не придет, но как только алый диск коснулся кромки виднеющихся в чисто протертое окно деревьев, дверь гостиницы отворилась. Вошел один из тех воинов, с кем Шэйраду довелось сразиться здесь же три ночи назад.

–Ты, – гаркнул воин, – пошли со мной.

Он повел ворлока по лабиринту улиц, врубаясь в ходящих по улицам горожан, расталкивая побирушек и косо зыркая на личностей не вполне законного рода занятий. Те держались подальше – видно, черные одежды здесь знали, да и рука воина, покоящаяся на эфесе меча, не добавляла им смелости. Несмотря на неплохое чувство направления, Шэйрад понял, что заблудился. Он хотел окликнуть своего провожатого, потребовать разъяснений, но не успел. Они вышли к северным воротам, где уже ждали остальные. Все на вороных конях, в хвосте отряда переминаются с ноги на ногу запасные лошади и каурая Шэйрада.

–Я посчитал, что ты будешь не против, если я заберу твою конягу и расплачусь за конюшню, – сказал Волк, осадив своего гарцевавшего вороного перед носом ворлока. – Давай в седло, нечего времени терять.

Дождавшись, пока юноша запрыгнет на спину своей лошади, Волк скомандовал поход. Стражник у ворот раздвинул створки, и отряд взял с места галопом, едва не снеся еле успевшего отпрыгнуть странника и его спутника, подхлывших к воротам.

На скаку Шэйрад плохо разглядел, но готов был ручаться, что за спиной странника, завернутого в черную накидку, блестели золотые рукояти мечей, а спутник его – орк, судя по комплекции и зеленоватой коже.

–Поднажмите, лентяи, – орал Волк, – Если к ночи не будем на месте, со всех шкуру спущу.

Лаэрдинн перенесся на край обрыва. За спиной ярился океан, разбивая полки волн о несокрушимую скалу острова. Соленые брызги долетали до самого верха обрыва, попадая на черный плащ Инквизитора. Впереди курились дымки очагов и разведенных под открытым небом костров. Слышались ор и непередаваемые на человеческий язык восклицания.

Полуэльф поплотнее закутался в плащ от пронизывающего морского ветра, напоенного холодом и влагой, и пошел туда, где кричали. Через десяток шагов раскинулась орочья деревушка. Типичные хаты, крытые чем попало, в зависимости от благосостояния владельца.

На площади – пятачке окруженном хатами – шел праздник. На вертелах над кострами жарились целые туши лосей и быков (как они только попали сюда?). Пиво лилось не просто рекой, а прямо-таки морем. Счет здесь шел на бочонки. Среди зеленокожих обитателей деревни Лаэрдинн мгновенно нашел того, кого искал. Широкоплечий орк с гиканьем выбил дно у пивного бочонка и припал к хмельной жидкости. Горло орка поглощало напиток со скоростью намаившейся без воды лошади, часть пива струилась по голому мускулистому торсу, покрытому татуировками. Меньше пяти глотков ушло у орка на бочку, которую ватага портовых грузчиков оприходовала бы за час. Зеленокожий заорал и сломал опустевшую тару о голову под крики собратьев.

Невидимой тенью Инквизитор подобрался к орку и положил ему руку на плечо. Тот взрыкнул, обернулся, скаля клыки, но не проломил полуэльфу голову, а стиснул в объятьях, едва не ломая кости.

–Хозяина! Моя так рада! Моя скучать без хороший драка, хозяина, твоя прийти, брать моя в бой?

–Почти, Удрук, почти. И отпусти, ради Света, меня, а то я задохнусь. Не против отправиться со мной немного попутешествовать, как в старые времена?

–О, да! Моя идти сейчас же. Только железяку достать. Ща, моя мигом.

Удрук действительно обернулся почти мгновенно, прочие пирующие орки даже не успели заметить присутствие чужака. Орк выскочил из стоящей на сваях хаты, крытой лапником. На нем была старая, прокопченная и не очень чистая баранья жилетка, с трудом налазящая на изрядно погрузневшего орка, однако оружие, широкий ятаган и хитрый трехзубый кинжал, были в полном порядке.

Пока орк бежал, Лаэрдинн заметил, что мышцы его, хоть и крепки еще, но уже теряют ту стальную силу, что была у орка когда-то, живот чуть заметно округлился, в длинной косе, мотающейся между лопаток, больше седых волос, чем черных, клыки затупились под действием времени. Лаэрдинн вздохнул: тяжело было видеть, как стареет и медленно умирает друг от действия страшного оружия, чьи раны неизлечимы – Времени. Инквизитор как мог, оттягивал старость давнего друга, продлевал годы жизни, но проклятое Равновесие было сильнее его. Усилием воли он заставил себя выбросить из головы печальные мысли и сосредоточился на создании портала.

–Сейчас воспользуемся магией, а потом пехом, как раньше.

Проследить путь молодого ворлока труда не составило, даже не прибегая к магии, которой Инквизитор пользоваться пока не хотел. Достаточно было осведомиться в нескольких городках и деревнях, а потом уже следовать по указанной дороге никуда не отворачивая, лишь проверяя направление в окрестных поселениях. Таким образом, путники уперлись в древний Оканн, заложенный еще эльфами.

–Раз в городе Волк, нам не стоит там особо светиться, – рассудил Лаэрдинн, – Они уйдут через северные ворота, ведь Замок Теней на севере. Потом, в подходящем месте, откроют портал. Если поторопимся, увидим их у ворот.

К северным воротам они подошли аккурат вовремя: Волк едва не сбил конем Инквизитора, но не признал того в лицо. И среди кавалькады закутанных в черное всадников на вороных конях Лаэрдинн углядел мальчишку, резко выделявшегося без плаща, в кожаной куртке и с таким знакомым мечом за спиной. Не без удовольствия Инквизитор отметил, что молодой ворлок внешне совершенно не похож на деда. Оставалось надеяться, что и по характеру он тоже далеко ушел от неблагодарного и вероломного Ардалисса.

–Купим в городе коней и поедем следом. Спешить уже не стоит, след такой оравы мудрено потерять.

Долго идти по следу опять же не потребовалось. Отчетливые отпечатки копыт с особыми подковами свернули с тракта почти сразу за городской стеной, углубились в бездорожье и резко оборвались не доходя болота.

–Здесь они открыли портал к Замку Теней. Пойдем за ними, Удрук. Только останемся дальше на Ледяных Пустошах, а то чего доброго, Элозар или Ириодал меня почувствуют. Эх, проклятый Темный Свет, зачем он дает Темным такие силы и почему с ним не борются?

–Оставь нас. – сидящий в кресле поднялся, подошел к юноше, склонившемуся еще ниже под режущим взглядом скрытых под капюшоном глаз. Мастер протянул руку, вытащил из ножен Шэйрада меч. Тот поднял голову. Облаченный в черный балахон со скрывающим лицо капюшоном и такого же цвета мантию держал оружие, пристально рассматривая клинок

Около него вдруг полыхнул сноп пламени. Ворлок отшатнулся, но огонь угас не оставив даже следа на ковре. Лишь появился второй человек, так же одетый, как и Мастер.

–Зачем звал, Элозар?

–Взгляни, Пирус. Тебе этот меч должен быть знаком.

Второй, Пирус, принял меч из рук первого, Элозара, несколько секунд посмотрел на него и сказал:

–Да. Узнаю. Ну и что?

–Это меч нашего гостя. Этого ворлока...эээ

–Шэйрад, – подсказал Шэйрад.

–Не понимаю, Элозар, при чем тут этот мальчишка?

–Я подумал, что весьма символично, что теперь этот меч послужит нам, после того, как ранил тебя.

Ворлок уже перестал что-либо понимать, он лишь переводил взгляд с одного на другого и глупо хлопал глазами.

–Я, пожалуй, отправлю разьезды... Мало ли кого этот мальчишка притащил с собой. Или кто его притащил.

–Его нашел Волк. Я уже нашел ему применение по силам. Но направление твоих мыслей, Пирус, мне ясно. Я пока не чувствую присутствие никого... кроме Ириодала. Он только что телепортировался в свою башню. Скажи, мальчишка, откуда у тебя этот меч. И не вздумай лгать, я читаю тебя, как книгу.

–Мастер, этот меч переходит в нашей семье от отца к сыну...

–Полагаю, два или три поколения.

–Я – третий хозяин Рубилы, Мастер.

–Мне все ясно. Забирай меч, жить будешь в офицерской казарме. Оплатой не обидем.

Ворлок пожал плечами и удалился.

В неглубокой пещере, служившей некогда домjv какому-то северному зверю, трещал огонек маленького бездымного костра. Плотнo закутавшийся в теплый плащ, полуэльф грел руки над огнем. Орк ворчал, жаря нехитрый ужин. Снаружи ярилась метель, бросая горсти снежного крошева, наметая на лед сугробы.

–Ближе подходить опасно, – ответил Инквизитор на немой вопрос спутника, – Те, кто засел в замке, могут меня почувствовать. По той же причине я не пользуюсь магией. Открыто сразиться тоже нельзя. Серые пока держат нейтралитет, решая свои проблемы. Светлые готовятся к неизбежной новой войне. Тоже делают и Темные. Слава Творцу, даже Элозар отказался от дальнейшей экспансии. Он держит занятые позиции в некоторых периферийных мирах. И пытается завоевать этот, ключевой. Опять же, слава Творцу, масштабы его пока не выходят за рамки обычной разборки танов и прочих владык. А торчать нам тут долго. Пока я окончательно не пойму, что был не прав, или пока не стану уверен, что прав. – Лаэрдинн погладил лежащий рядом с ним сверток. – И не вручу меч тому, кому он предназначен. Ворлок принял предложение Владыки Льда, но в нем нет Тьмы. Посмотрим... Удрук, у тебя похлебка кипит.

9

Прошло три месяца.

Три месяца верной службы хозяевам Замка Теней, которых ворлок больше не видел ни разу. Но ему было до свечки, кошель, брэнчащий золотом, вручали регулярно.

Но порой Шэйрад задумывался, а не лучше ли было самому выбрать дорогу, не следуя за Волком. Что если он бы продолжил избавлять люд честной от манतिकор и василисков в катакомбах и на большаках? Ничего нового, отвечал он сам себе, то же презрение и страх. Те же отворачивающиеся лица и брезгливые гримасы. А так? А так он – часть Команды таких же, как и сам ворлок. Отверженных и презираемых в «опчестве», тех, кому руки не подадут, но охотно наймут для грязной работы, рискованной и опасной для жизни. Ну и что, что вместо чудищ все чаще приходится рубить людей. Никакие писанные и неписанные цеховые правила этого не запрещают. Его отряд не палит деревни, не заворачивает бабам юбки на голову, не портит дев и не складывает курганы отрубленных голов. Они бьются с теми, для кого битва – работа: с солдатами, наемниками. Здесь все честно. Или ты посечешь, или тебя нанижут на копье. Правость и неправость дела Шэйрада, равно как и прочих, с кем он обычно бился бок обок, волновала мало.

Такие мысли роились в голове ворлока, пока отряд двигался лесами к безвестной деревушке – форпосту неприятеля, которую требовалось занять. Вороной жеребец под богатой сбруей шел за другими конями, не нуждаясь в поводьях. Натренированные животные не издавали звуков, могущих выдать отряд: не бряцала подогнанная сбруя, не храпел и не ржал конь, копыто не ломало веток, шелестя по багряному листовенному ковру. Черные одежды, отличительный знак тех, кто служил Замку Теней, сливались с осенними предрассветными сумерками.

Головной остановился, вскинул руку:

– Больно огней много, – прошипел через шлем с маской атаман, – Шэйрад, погляди.

Ворлок спешился, подполз к кромке деревьев на горе, под которой разлеглась деревня, стиснутая со всех сторон холмами, быстро сотворил заклинание.

– Действительно. Жгут костры, как на Беллетейн. Везде железо, все в латах, никто не пьянствует...

Кто-то усмехнулся, чтоб танские головорезы да без бочек пива и дебоша ночь провели – да скорее небо с землей местами поменяются.

– Похоже, ждут кого-то. Точно! Вижу конных на дороге. Идут не таясь, с прапорцами. Цвета тана Кадырра.

– Сколько их, ворлок?

– На глаз, полусотня, точнее сказать не могу. Все конные, пехоты не видно.

– Лады, ребята, стаем на лагерь, погодим, что там произойдет.

Годить долго не пришлось. Произошло очень быстро и звучно. Полусотня вошла в деревню. Прибывший тан и комендант уединились в доме старосты, и вскоре оттуда донесся лязг сталкивающихся мечей и двуголосый крик:

– К оружию!

Кадырровские конники, все еще сидящие в седлах, рванули с места в карьер, набирая разгон для удара и рубя тяжелыми палашами подворачивающихся под руку пешцев, заметно расслабившихся. Но за спинами всадников защелкали бронебойные арбалеты, многие повалились, утыканные болтами, как ежи иголками. Впереди выросла стена опомнившихся копейщиков, ошетилившаяся тремя рядами стальных жал. Кони и люди смешались в одну орущую, стонущую, истекающую кровью кучу малу стали и плоти.

Сам тан Кадырр рубился с двумя алебардщиками, охранявшими дом старосты, орудуя легкой саблей и пехотным мечом, трофеем, взятым с коменданта гарнизона.

Ворлока насторожило поведение селян. Вместо того, чтобы попрятаться по домам, наглухо заперевшись в хижинах, пока идет сеча, они, включая и баб, повытаскивали мечи, топоры, копья, замаскированные под заборные жерди и очертя голову бросились помогать добивать тановских конников.

–Я так думаю, – рассудил Шэйрад, – Там вообще невинных нет. Все эти – переодетые солдаты.

–Выходит, нас ждали?

–Может статься и нас, да Кадырр, вечная ему память, подвернулся раньше. Эх, не хотел бы я быть на его месте, когда его с двух сторон на копья поднимали и из арбалетов достреливали.

С той стороны, где расположился на привал остальной отряд, долетел лязг клинков и крик. В лагере услышали, к зарослям двинулась шеренга копейщиков – копья вперед, щиты сомкнуты.

–Свет и Тьма, отходим.

В лагере их ждали два трупа. Объяснений не потребовалось: посланников Замка Теней обнаружил патруль, и один из них успел перед смертью поднять тревогу.

–Что делать будем?

–Как что, – изумился Шэйрад, – То, что нам поручено. Правда, вырезать всю эту толпу будет проблематично. Жаль, мага нет, моих способностей здесь не хватит.

–Хоть так. Ах, черт, нас берут в кольцо!

Немногочисленный отряд встал спина к спине, выставив перед собой острые клинки мечей, коими все они владели просто превосходно. В центр образовавшегося круга завели коней, чтоб не свели, или сами не сбежали во время боя.

–Мне только не понятно, как нас еще и сзади-то прижать умудрились, – буркнул сосед ворлока слева.

Ответа Шэйрад не знал.

Послышался треск ломаемых веток, хруст сучьев под ногами пехоты, ржание оставшихся на открытом месте конников, отрезающих пути отступления. Спереди и сзади надвигались воины, сомкнув щиты и оцетинившись жалами копий. Для людей это пока еще были темные силуэты, слегка подсеребренные отражением ущербного месяца на шлемах и наплечниках, однако ворлок, отличающийся более острым, нежели человеческое, зрением, мог разглядеть одинаковые цвета и геральдические символы на груди. Определенно, нападения на деревушку ожидали и тщательно к нему готовились, раз даже засадили сильный отряд в засаду. Было, о чем доложить Волку и его набольшим.

Ворлок простер руки над покрытой сухой травой и палыми листьями землей и сложил пальцы в Знак Пламени и приказал:

–Flammale! – сушняк занялся, рыжие языки быстро набирали силу, окружая эмиссаров Замка Теней огненным кругом жаркого пламени.

Пальцы Шэйрада сложились в новый символ, с губ сорвался новый приказ:

–Impactum! Impactum! Impactum!

Появляющиеся после каждого заклинания пробоины в земле не дали пламени подбратиться к окруженным, которые теперь были защищены от дальнобойных атак – как лучникам целиться, если людей скрывает стена бушующего в сухом подлеске огня? Правда, сам ворлок заметно побледнел, кончик его меча заходил ходуном, колени чуть дрогнули, но пальцы так же сильно и уверенно, как и прежде, сжимали переплетенную рептильей кожей и украшенную драгоценностями рукоять Рубилы.

Смельчаки, решившие пробраться сквозь порядком разгоревшееся пламя, нашлись не скоро. И не много. Перед Шэйрадом возник воин с запорошенным пеплом и порядком обожженным лицом и сходу выкинул вперед левую руку с мечом в выпаде, особо даже не целясь. Первым движением ворлок увернулся от пронзившего пустоту клинка, вторым перерубил артерию на шее смельчака. Тот, истекая кровью, упал в огонь, зашипевший от фонтаном вылетающей из тела крови. Второго удальца зарубили на противоположной стороне круга.

Спасаясь разбушевавшегося огня, неприятель отступил. Но капкан был захлопнут: роща окружена, каждый, кто стоит в оцеплении, видит соседа, так что покинуть горящий лесок невозможно. А когда пожар сам собой умрет, тогда за дело примется конница, вольготно развернувшаяся бы на пепелище.

И те, и другие это понимали. Но у первых задача была более простая – лишь ждать, а потом давить числом маленький отряд. Вторым было тяжело.

–...Я все еще говорю, иначе нас на копья подымут, – закончил командир импровизированный военный совет, – Ежели кто что получше придумал, пока мы тут языками мелем, то выкладывайте. А коль нет, так по коням.

Получше никто не придумал. Весь отряд влез в седла.

Горяча и без того возбужденных бушевавшим пламенем и предчувствием скорой сечи бешеных коней, выросших на конюшнях Замка Теней, и выставив мечи как копья, весь отряд бросился на прорыв.

Возглавлявший колонну командир конской грудью сшиб не успевшего воспользоваться копьем солдата и зарубил мечом, перегнувшись с седла. Следующие за ним протоптались по еще живой груди копытами. Один из коней заржал – бок животному проткнуло копье. Всадник с проклятьем слетел наземь, подняв при этом тучи пепла. Воздух наполнили стрелы сбежавшихся оцепленцев. Кто-то из отряда коротко каркнул, захлебываясь кровью от удачно воткнувшегося в горло заостренного древка, еще один конь пал. Позади затопали копыта неприятельской конницы...

Шэйрад чуть сдержал коня, чтоб не затоптать упавшего с лошади товарища, протянул ему руку, но не успел – на него налетел вражеский пикинер. Ворлок машинально заслонился от чьего-то меча, сам ткнул Рубилой в ответ, но для него было уже поздно. Его и некоторых других отставших или спешенных уже окружали. Кое-кто раскручивал арканы, однако многие надвигались с оружием. Видимо, приказ был взять живыми, но и против трупов их набольший тоже ничего не имел. Шэйрад отбивался, гарцуя на вороном, пока коню не перерубили ноги ударом топора. Конь упал, сбросив ворлока, и придавил его своим телом. Он кое-как освободился, но не надолго: сзади что-то свистнуло и пребольно ударило по голове. В глазах сразу потемнело, лицо ткнулось в еще теплый пепел и золу, в ушах звенело, но были ли это звуки боя или последствия удара не известно.

Через бесчувственное тело юноши перепрыгнуло несколько солдат. Один из них схватился с последним оставшимся в живых посланцем Замка Теней, второй раскрутил аркан. Веревку наемник перерубил, но от меча не ушел и осел на землю с распоротым животом и пенящейся кровью на губах.

В круг солдат втиснулся всадник в малиновом дублете с белыми вставками, соскочил с пегой кобылы и, не обращая внимания на пачкающиеся мягкие туфли подошел к середине круга, где лежали мертвые, умирающие или оглушенные посланцы Замка Теней.

– Докладывайте, – бросил фронт, разглаживая аккуратную русую бородку.

– Дык, вашство, извольте видеть, шестеро мертвыми, трое живцом взяты, два ей-ей отойдут, – отвечивал старшина.

– Это доклад разве? Псу под хвост ваши доклады. Наши потери?

– Дык этого, за полтора десятка перешло, вашство. Десять и шесть землю грызут, пораженных нет, померли оне.

Неизвестный запрыгнул в седло, проигнорировав подставленное плечо солдата, снял украшенный пером цапли алый берет и поправил прическу, потом ударил кобылу пятками, бросив на ходу:

–Объявить отход! Seriously раненых добить, ни к чему нам обуза, коней словить, пленных в седло, связать и под стражу. И быстро.

10

Виконт Мурле склонился перед своим непосредственным начальником графом Скеллегом, шефом разведки империи Эдвинн, набирающего силу государства, объединившего под своей рукой земли юго-запада материка.

Граф Скеллег, невысокий и тощий как жердь, оторвался от пергаментных свитков, покрывавших слоями его стол и поднялся из удобного продавленного от долгого сидения кресла. Прошелся по кабинету: три шага от стола до высокого окна, четыре до все еще застывшего в поклоне виконта, подметающего не совсем чистый пол пером на берете. При ходьбе граф кособочился из-за висящей на левом бедре легкой сабли, которая, все же была тяжело-вата для столь тщедушного тела. Но Мурле не обманывался, он-то знал, как хорошо его патрон может играть клинком парадной, но остро заточенной сабли.

–Итак? – подал голос – высокий, почти мальчишеский фальцет – Скеллег

–Сударь граф, как вы и приказывали, я переделал вверенных мне солдат в цвета Бругге. Наши войска уничтожили явившихся для переговоров людей тана Кадырра, включая и его самого. Кроме того, был обнаружен неизвестный отряд. Все на вороных конях, в черных одеждах. С ними маг или ворлок. Увы, некоторым удалось уйти, прочих пленили или убили в бою, потеряв ...

–Мне это не интересно, Мурле, – перебил Скеллег, – Мы спровоцировали войну между родичами Кадырра, которые будут мстить за покойного тана и Бругге. Нам останется лишь добить ослабевшего победителя. Что до неизвестных, то они, судя по всему, из Замка Теней. Скорее всего, эти демонические существа тоже положили глаз на Бругге. Я порекомендую императору отправить туда послов, чтобы разделить будущий приз. Пленных я, конечно, допрошу, но не вижу в этом смысла. Хотя, вдруг кто-либо из них обладает информацией о стратегических планах северян? Маловероятно, но возможно.

Шэйрад пришел в себя. Он слышал кап-кап срывающихся с потолка ледяных капель, ощущал холод каменных плит, на которые его бросили, обонял вонь, типичную для любого узилища долговременного содержания, но ничего не видел. А когда вернулось зрение и глаза сами подстроились к царившему в подземелье мраку, то пожалел о врожденной способности видеть в темноте так же хорошо, как и на свету. Перед ним, на расстоянии меньше вытянутой руки, лежал и умирал товарищ по отряду, изуродованный руками палачей, вдоль каменных стен примостились дрожащие от холода и страха перед неминуемыми пытками, оборванные тела, еще два изможденных – кожа да кости – субъекта дрались около промоины, куда капала вода с потолка. Победитель припал к лунке и глотнул затхлой казематной водицы, не обратив внимания на то, что его недавний соперник расшиб голову о камни пола.

Относительную тишину камеры, нарушаемую влажным стуком падающих капель и свистящим, затрудненным дыханием узников, разорвал крик. Даже не крик, а просто душераздирающий вопль, от которого сокамерники ворлока вжались в стены с утроенной силой. Крик повторялся неоднократно. Полчаса Шэйрад гадал, что же происходит с беднягой, а потом скрипнула поднимаемая железная плита и вниз с высоты в полтора человеческих роста сбросили еще одно тело. По обрывкам черной одежды было понятно, что это еще один товарищ Шэйрада. Он был так же страшно изуродован, как и первый: ноги перемолоты в кровавую кашу, ногти на руках вырваны, пальцы сплющены хитроумным устройством, лицо как кровавая маска, кожа на груди посечена до сочащегося кровью мяса. В последний раз харкнув кро-

вью, наемник Владыки Льда умер. Сверху на плечи Шэйрада опустилась петля, он попробовал вырваться, но спрятанные в волокнах веревки проволоки резали кожу. Ворлок дал себя вытащить из ямы, служившей тюрьмой и провести по испачканному кровью коридору к толстой двери.

В отличие от царившего в яме холода, в зале за дверью было жарко от горящего очага, на решетке которого калились пыточные принадлежности. Все обширное пространство зала было занято дыбами и другими малопривлекательными атрибутами палаческого дела. В углу стоял письменный стол, за которым сидел расфранченный человек в малиново-красном с белым дублете, не смотря на жару не расставшийся с небесно-голубым плащом, второй, щуплый и худой, как скелет, внимательно рассматривал сваленную на конторку груды вещей, среди которых Шэйрад увидел свой меч.

–Интересный клинок, – сказал тощий, – Чья работа? Гномы? Эльфы? Хотя не важно. Я граф Скеллег, я задам вам несколько вопросов. Если получу на них ответ, мы разойдемся миром. Если нет, – Скеллег выразительно кивнул на двух палачей, прикручивавших ворлока к стулу специальными зажимами.

–Итак, приступим. Ваше имя?

Молчание.

Палач пошел к очагу за раскаленными прутьями. Нужно было освободиться, сбежать, убив этих четверых и забрав Рубилу. Но магические силы ворлока настолько истощились в лесу, что заклинания не будут получаться еще несколько дней. Да и делать пассы скрученными за спиной руками не возможно.

–Шэйрад, – ответил молодой ворлок.

–А дальше?

–Просто Шэйрад, Шэйрад-ворлок, если угодно.

Скеллег отошел к столу, палачи вернулись к своим приготовлениям.

Пальцы ворлока, блуждающие по толстой веревке, стягивающей руки, нащупали узелок. Только бы успеть до того, как они начнут свою экзекуцию. Узел не поддавался, очевидно, вязал мастер своего дела.

Скеллег взял с конторки меч, еще раз повертел в руках, придирчиво осмотрел камень в рукояти.

–Хороший у вас меч, Шэйрад-ворлок. Пожалуй, я его заберу в подарок нашему императору. Протестов нет?

Узел начал понемногу поддаваться, путы чуть ослабли, но все еще хорошо держались

На зов Скеллега пришел слуга в ливрее и с поклоном забрал Рубилу.

–Итак, вернемся к нашему диалогу. Как раз у заплечных дел мастеров все готово.

С узлом тоже все было готово, путы с рук спали. Одной рукой Шэйрад выхватил у ближайшего палача раскаленный прут и пережег им веревки, привязывающие ноги к стулу, второй блокируя почти фехтовальный выпад второго мучителя. Кожа на руке вздулась от касания ярко-белого от жара железа, запахло паленой плотью.

Орудя двумя прутьями как саблями, молодой человек вывел из игры обоих палачей. Те катались по грязному окровавленному полу, нежа страшные ожоги. Тощий Скеллег выхватил саблю. Стальной клинок высек искры из подставленных для защиты прутьев. Шэйрад оттолкнул его пинком, но совсем забыл про второго – Мурле – который атаковал его снятым со стены топором для усекновения головы. Оружие было чересчур тяжело для придворного франта, топор, со свистом пронесся мимо тела ворлока и ударился острием о пол. Сам Мурле по инерции пролетел за топором, потерял равновесие и получил пинком под зад, от которого растянулся на полу. Шэйрад с размаху пнул того в лицо, отметив, как под каблуком сапога хрустнули носовые хрящи. Скеллег, к тому времени, очнулся и вновь атаковал. Ворлок и начальник эдвиннской разведки закружили вокруг палаческих механизмов в фехтовальном танце, нанося

и отбивая удары. Стоило отметить, что, несмотря на свою комичную хилость, саблей Скеллег владел отменно. Шэйрад разорвал дистанцию, перепрыгнув через стол для растягивания суставов, и метнул оба свои прута. Один, отбитый клинком Скеллега, со звоном отскочил от стены, разбрасывая искры, но второй точно проткнул живот старшего разведчика, с шипением остывая в крови.

Шэйрад подобрал саблю, примерил баланс. Оружие было чересчур легким, но для сечи подходило прекрасно. Шестое чувство предупредило Шэйрада об опасности. Тот, даже не оборачиваясь, выбросил клинок за спину, парируя удар топора. Лезвие не выдержало и рассыпалось, словно хрустальное. Пока Мурле, пугающе выглядевший из-за хлещущей из сломанного носа крови, восстанавливал равновесие, Шэйрад вонзил обломок сабли ему в горло.

Ворлок закутался по самые глаза в некогда небесно-голубой, а ныне перепачканный кровью и грязью плащ, позаимствованный у мертвого подчиненного Скеллега, нахлобучил его же берет, от которого в схватке потерялось перо. Он надеялся маскарадом обмануть возможную стражу хотя бы издалека. Подходящего оружия в комнате не нашлось, поэтому пришлось вооружиться кривым потемневшим от запекшейся крови ножом, которым палач сдирает кожу с жертвы. Этим же ножом Шэйрад добил корчащихся на полу заплочных дел мастеров.

Выход нашелся довольно быстро. Чуть больше трудностей вызвали поиски конюшни. В конце концов, Шэйрад решил не рисковать и выбежал из города пешком, перемахнув через городскую стену в укромном месте. И скрылся в стороне от большака, опасаясь возможной погони.

На местности ворлок сориентировался довольно быстро, но долгое время не мог выбрать дорогу, которой ему идти. Дело не в том, что по дикому лесу, на окраине которого примостился город, было проложено так уж много дорог (всего одна транспортная артерия империи), а в направлении. До Замка Теней добираться много-много месяцев, да и помня о разнообразных неприятных сюрпризах, поджидавших путника под снегами... Короче, этот путь отпал. Шэйрад решил выбраться из пределов империи Эдвинн, где его, похоже, невзлюбили, и добраться до ближайшего места, где можно раздобыть приличный меч. Было жалко денег, обещанных Владыкой Льда, но выбирая между кошельком и жизнью, молодой ворлок выбрал жизнь.

Судя по рассказам, в этом лесу, где оказался юноша, точнее, в его наиболее глухой части, нашли приют эльфы-рenegаты, бежавшие по разным причинам от своих кланов и, по давней эльфьей привычке, державшиеся от людей подальше. Надеясь, что среди ренегатов не принято без разговоров всаживать стрелу в живот и найдется хороший оружейник, ворлок зашагал по устилавшему землю золотому лиственному ковру.

11

Тихо журчит водопадик, баламутящий спокойные воды зачарованного озера. По долине растекалась туманная дымка, в воздухе висели сладкие ароматы разнообразных ярких цветов, пестреющих на зеленом поле, шелестели кронами могучие и величественные деревья на приятно освежающем ветерке, наполненном влагой. К хрустальному небосводу – плоду искусной магии – поднимался сизый дымок костра, нужного исключительно для декораций.

Одиннадцать Инквизиторов опять были здесь. Не хватало только Лаэрдинна.

Исмен погасил видение и обратился к остальным:

–Как видите, я был прав – он служит Тьме. Лаэрдинн ошибся.

–Он служит лорду Элозару и присным исключительно от того, что его не принимает общество сородичей, – высказалась в защиту юного ворлока устроившаяся на камне женщина-человек, расчесывавшая нечеловечески гладкие и шелковистые смоляные локоны – предмет белой зависти прочих женщин братства Инквизиторов, – Он – иной. Ему нигде нет места: ни среди эльфов по понятным и не требующим объяснения причинам, ни среди гномов или же других рас. Даже среди людей он чужак из-за своих способностей и сопровождающих их физических изменений. Да и род занятий накладывает определенные барьеры.

–То есть мы должны еще и пожалеть этого типа, который еще и переплюнет Темнейшую троицу? – рявкнул рыжебородый гном, прекратив на секунду править и без того идеальную секиру.

–Он не стал Темным, – вставил Ариэль.

Надменный и прекрасный, как все его родичи, эльф, доселе даже не смотревший в сторону собратьев поднял миндалевидные глаза на Ариэля, отложил флейту, на которой безостановочно играл и задал вопрос:

–А куда деть его хладнокровное убийство тех четверых людей?

–Он спасал себя, Шеар’Тон, это не может говорить о Тьме в его сердце.

–А все те задания, что он три месяца выполнял для Элозара? Резня в том городке? Нападение на конвой? Бойня на мосту?

–Солдат выполняет приказ, это не говорит о Тьме в его сердце. К тому же, у Лаэрдинна есть план

–Есть кое-что, – вклинилась в разговор еще одна женщина, только что вышедшая из вод озера, – Есть кое-что, что обратит его сердце к Тьме окончательно и бесповоротно. Смотрите.

Между ее ладонями за клубилось голубое сияние, замерцали неясные картинки внутри возникшего шара. Она плавно опустила шарик на воду и повела руками над поверхностью. Прочие Инквизиторы склонились над хрустально чистой гладью озера.

И увидели...

На первый взгляд это был обычный хутор земледельцев, ведущих хозяйство без огляди на соседей и любящих уединение. Добротный одноэтажный, но широкий дом смотрел чисто вымытыми окнами. На огороженном еще одним заборчиком поле копались две женщины. В конюшне фыркало несколько лошадей, по двору с квохтаньем носились куры, в хлеву хрюкали свиньи. В кузнице стучал молот. Но во дворе стояли манекены, изображающие человека в полный рост. Некоторые были вооружены палками, другие еще и деревянными щитами, к лапам одного был прикручен настоящий боевой меч. На лужайке, присыпанной осенними листьями, скрестив ноги, сидели мальчики разных возрастов и слушали седого, бородатого, иссеченного

шрамами старика – наставника. Еще несколько парней сражались с манекенами и друг с другом под руководством более молодого, но тоже испятого шрамами учителя.

– Да не парируй ты мечом, курва твоя мать, – орал учитель фехтования на нерадивого ученика, совершившего ошибку, – Уклонись просто. Пусть он равновесие потеряет, и достань его мечом снизу. Вот так. А ты, это что за позиция? Тут тебе не изящные приседания, а кто кого лучше полоснет.

К седому подбежал запыхавшийся мальчишка лет четырнадцати, остановился, согнулся, пытаюсь отдышаться.

– Закончил? Что это? Одышка? Еще двадцать кругов вокруг хутора, пока не научишься дыхание держать. И возьми эти камни. Увижу, что выбросил – выпорю.

Картинка на волнах магического озера изменилась. Теперь хутор был виден со стороны. И виден большой отряд ушастых существ в половину человеческого роста. Они шли, обмениваясь непонятными даже для Инквизиторов выкриками. У многих были луки, у кого-то – длинные кинжалы, заменяющие им мечи, топоры, укороченные по руке и пращи, остальные шли с дубинами или копьями из нанизанных на палку острых камней. Большинство существ было одето в куртки из вареной кожи, но на нескольких были и кольчуги, явно с чужого плеча. Существа не таились. Зачем? Ведь они идут убивать тех, кто в свое время выгнал их с холма, изъеденного укрытыми от постороннего взгляда пещерами и подземными коридорами.

– Гоблины, – выдохнул кто-то из наблюдавших сцену Инквизиторов, – Гоблины вышли на тропу войны.

Первым гоблинов увидел тот самый мальчуган, которого седой заставил бегать вокруг хутора. Он закричал, но крик не долетел до занятых своими делами старших. В парня полетели стрелы с костяными оголовками. От нескольких он увернулся, своими камнями сбил с ног двоих гоблинов и со всех ног бросился бежать вверх по склону холма.

Гоблин, у которого кольчуга была по размеру, а на голове красовался железный шишак, выхватил лук у стоящего рядом, со знанием дела прицелился, отвел лук чуть в сторону, учитывая ветер, и спустил натянутую до комично огромного волосатого уха. Тетива зазвенела, больно резанув по лягушачьей пасти гоблина, но стрелу послала как надо. Парень споткнулся, выдернул из лопатки прут с костяным оголовком и побежал еще быстрее. Лучник-гоблин выстрелил еще раз. На сей раз мальчик больше не поднялся. Походя, его добились ножом; группка гоблинов затеяла свару над трупом, точнее, над его одеждой и содержимым карманов, но взрыка гоблина в шишаке было достаточно, чтобы поножовщина умерла в зародыше и уступила место бесшумному дележу.

Хлипкие ворота слетели с петель, не выдержав тяжести повисших на них гоблинов. Учитель фехтования с более взрослыми учениками приняли стойку, остальные убежали в поле за женщинами и седым.

– Fireball! – бросил ворлок.

От взрыва огненного мяча нескольких гоблинов разбросало, двух разорвало напополам. Полетели стрелы. Многие ученики еще не могли отбивать стрелы на лету. Полилась кровь. Учитель крутился волчком, двумя мечами отбивая летящие в него и его учеников стрелы, но все отбить не смог.

– Вперед! – приказал он оставшимся мальчишкам.

Сойдясь с агрессивными и жаждущими крови гоблинами, ребята доказали, что их специально утяжеленные и затупленные учебные клинки годятся для убийства. Тела полуросликов просто разрывало зазубренными лезвиями. Ноги учеников и их противников скользили по крови. Ребята и их учитель сносили гоблинам головы, отрубали руки, разрубали тела. Но гоблины брали верх из-за огромного численного превосходства.

Одного из мальчиков насадили на копья сразу трое, другой отбивался от нескольких гоблинов, но один, прежде чем умереть, успел снизу ткнуть его кинжалом. Третий поскользнулся на крови, гоблинский топорик раскроил ему череп. Три оставшихся и учитель держались, пока не появился седой со своей группой. Гоблины стали отступать, теряя своих.

Тут с поля донесся женский крик и детский плач. Запахло гарью. С тыла навалился еще один отряд.

Седой, как и Шэйрад раньше, окружил себя и сгрудившихся вокруг него детей кругом огня. Правда признаков слабости при этом не обнаружил. Все молча наблюдали, как ворлок, учивший детей фехтованию, один отбивается от наседавших на него противников.

Когда тот погиб, седой перемахнул пламя, раскидал случившихся поблизости гоблинов и закричал:

–Я, Ардилисс-ворлок, вызываю на честный бой того, кто виновен во всем этом. Кто ответит за смерть моих учеников, жены, сына.

Вперед вышел тот самый гоблин в шишаке, что убил самого первого ученика ворлока.

Их мечи скрестились, прозвонили траурную мелодию, разлетелись. Снова сошлись. И сзади в спину старого ворлока вонзился предательский нож.

Когда гоблины начали добивать оставшихся в живых и палить хутор, Инквизиторы отвернулись.

–Не жди честного поединка от гоблина, – резюмировал гном.

–И почему это должно вселить в нашего ворлока Тьму? – спросил Ариэль.

–Ты не понял? Это была его семья. Дед, отец, мать, младший брат.

12

Пятнадцать дней ворлок скитался по лесу, голыми руками отбиваясь от диких зверей. Однажды ему встретился арахнид, но, к счастью, не напал. Против гигантского паука с выломанной из ближайшего дерева дубиной и кое-как возвращающимися магическими силами не пойдешь.

Наконец, произошло то, чего Шэйрад долго ждал. В схваченный первыми утренними морозами ствол воткнулась белооперенная стрела – первое предупреждение.

–Я друг! – заорал ворлок, трясаясь от холода, но продолжая перебирать ногами, – Свой! Не стреляйте! – ему казалось, что он кричит. Но на самом деле пересохшее без воды горло издавало лишь отдельные звуки, обветренные и потрескавшиеся губы открылись в немом крике.

Ударил вторая стрела. На сей раз древко хищно задрожало в земле, покрывшейся тонкой ледяной коркой – накануне прошел дождь, а ночью и утром ударил мороз.

–Sie est meallor! No're gillyh! Por gezer! – и ворлок потерял сознание.

Очнувшись он от мягкого влажного прикосновения к лицу. Резко приподнялся на локтях. Смывавшая запекшуюся кровь с лица юноши, эльфийка боязливо отдернула руки.

–Где я?

–Это не важно, – ответила не эльфийка, а устроившийся рядом с лежанкой Шэйрада эльф с огромными печальными голубыми глазами. Он стегнул нагайкой по голенищу сапога и продолжил, – Ты на передовой стоянке. Это все, что нужно знать. Кто ты?

Не осознав, что собеседник говорит на общем языке, Шэйрад попробовал построить более-менее связную фразу на эльфийском, но его прервали:

–Говори на общем. Наш диалект тебе все равно не известен, а от звуков Старшей речи мы уже почти отвыкли.

–Я Шэйрад. Ворлок. Уничтожаю чудовищ за деньги.

–Здесь нет чудовищ. А если и находятся, то мы сами с ними разбираемся.

–Я бежал от людей...меня захватили в бою...

– Человечьи дела нас мало волнуют. Мы подлечим твои раны, предоставим возможность отдохнуть, дадим коня, и ты покинешь лес.

–Я ранен?

–Волки попятнали тебя. Да и тот бой, в котором тебя захватили, не прошел даром.

Действительно, Шэйрад только сейчас заметил неглубокую резаную рану на боку.

–Сколько ты шел?

–Пятнадцать дней без еды, воды и сна. За мной может быть погоня.

–Это нас не волнует.

–А что вас волнует?

–Война с гномами Марук'Каама.

–Мне нужен меч.

–К сожалению, в оружии недостатка нет. Его держать все равно некому. Теперь спи. Отдыхай.

Когда Шэйрад достаточно окреп, чтобы сесть в седло, печальноглазый эльф вернулся снова. В руках он держал два свертка. Бросил юноше первый. Там оказалась шелковая сорочка, теплая куртка и серый плащ. Подождав, пока ворлок оденется, эльф положил в ноги кровати второй сверток. Развернул покрывающую его тряпицу. В свертке оказались простые кожаные ножны, обмотанные сверху шкурками каких-то мелких зверушек, с серповидным эльфийским гвехиром.

–Конь оседлан и ждет. Ты поедешь с закрытыми глазами до окраины наших владений. Я провожу тебя. Так приказано.

И снова дорога. Копыта подаренного эльфами гнедого стучат, сначала стучат по заиндевевшим листьям в лесу, затем выбивают дробь из камней большака. Как и раньше, ворлок один. Скачет галопом гнедой, стучат копыта, далеко разносится дробный перестук. Как и раньше, в тавернах и на постоянных дворах за общим столом всегда полно места, где бы ворлок не присел. Как и раньше, за спиной – меч, впереди – дорога. Только сейчас дорога определена. Ворлок едет домой. Туда, где осталась семья, где традиционно зимуют те, с кем бок обок он учился играть мечом, творить магию. И опять стучат конские копыта по большаку, опять ветер в лицо, опять бьются о спину ножны с мечом – единственным достоянием ворлока –, опять ветер бросает в лицо первые снежинки...

Уже виденного Инквизиторами в водах озера хутора он достиг, когда зима начала предьявлять свои права более активно. Тающее еще в полете крошево, больше похожее на особо холодный дождь, уступило место почти полноценному снегопаду. Тракт и окрестность занесло рыхлым снежком вперемешку с грязью.

Шэйрад бросил коня перед валяющимися на земле воротами, припорошенными белым. Предчувствуя недоброе, бросился во двор. И застыл, словно громом пораженный, не обращая внимание на то, что небеса разверзлись и извергают из себя настоящий снегопад. Тяжелое дыхание ворлока обращалось в пар. Он оглядывал то, что осталось от дома. Последнего, что объединяло его с нормальными людьми.

Несмотря на то, что прошло несколько суток, дня два, как оценил Шэйрад, смрад смерти и гниения никуда не делся. Он витал над хутором, смешиваясь с запахом гари и мокрых углей. Стоявший холод, необыкновенный для первых дней зимы, сохранил тела от тления. Ворлок, не сдерживая горьких соленых слез, оставляющих холодящие дорожки на щеках, шел меж телами.

–Отец...Дед...Ян...Маллет...Гарад..., – шептал он, узнавая знакомые лица, – Все...все погибли...

Вопрос кто виноват не возникал, ответ на него Шэйрад получил брезгливо перевернув на спину носком сапога труп первого попавшегося гоблина. Внимательно осмотрел. Гоблины, как и орки, пользовались татуажом для распознавания своих. По истории Школы эти клановые знаки были Шэйраду знакомы. И он знал куда идти. В душе поднялось злое чувство. Чувство, сродни жажды. Но, в отличие от банальной жажды, оно отнюдь не удовлетворялось жбаном ледяной колодезной воды. Оно утолялось горячей кровью, и чем больше ее, крови, то есть, тем лучше.

13

Холм, на котором расположился ныне сожженный хутор Ардалисса-ворлока был вдоль и поперек изрыт подземными коридорами. Когда их изначальные хозяева куда-то делись, тоннели заняли горные гоблины. Затем отец и сын ворлоки прогнали гоблинов и приспособили некоторые из ходов под кладовые, прочие же были завалены или слишком тесны даже для щедушных гоблинов.

В один из уцелевших ходов, выходявших на поверхность в сотне шагов от пепелища, пробрался Шэйрад. Случившийся около лаза гоблин не успел даже пискнуть – ворлок размозжил тому череп о камень.

Заклинанием Шэйрад завалил лаз у себя за спиной. Сегодня и впредь им некому уже будет пользоваться. Упала тьма, но ворлоки видят в темноте не хуже, чем при факельном свете. На шум обвала сбежались гоблины-стражи, кто как вооруженные. Они шныряли туда-сюда, бранясь на своем наречии. И никому не пришло в голову проверить едва заметное углубление...

Тем сильнее было удивление и страх хозяев подземелья (как они сами полагали), когда словно из ниоткуда громко и отчетливо донеслось шипение гвихира, покидающего ножны. Клинок жадно мерцал и прочерчивал тьму свистящими розблесками, сея смерть. Если бы были факелы, видно бы было, что пол коридора усеян трупами и отрубленными конечностями, залит кровью.

Неслышно ступая, как кошка, Шэйрад двигался все глубже в гоблинские тоннели. Там, где он прошел, властвовала смерть. Те, кто имел несчастье увидеть юношу, испытывали на себе остроту лезвия эльфийского гвихира.

Шэйрад шел по подземным коридорам особо не таясь, меч в его руках пел песню смерти, шипел, рассекая тела и тонко зловеще свистел на воздухе. Глаза его застилала красная мгла, в голове пусто, единственное желание – убивать, и ему подчинены все рефлексy. Верно, так же себя чувствует берсеркер в горячке боя. В мозгу молодого ворлока настойчиво билась литания: убей...убивай...бей-рубь...мсти за родных, пусть кровь течет рекой, пусть тебя окропляют горячие алые брызги, пусть они смоят твою горечь...

Гвихир остановил пляску, с ворлока спала кровавая пелена. Он осознал, что уперся в глухую кладку скалы. Все за его спиной были мертвы, в этом он не сомневался. Предстояло сделать еще одно важное дело, прежде чем навсегда покинуть место, которое он некогда звал домом. Очень важное дело...

Он работал весь остаток дня и ночь. Мышцы болели, как после самой жестокой тренировки. Ладони покрылись кровотокающими волдырями от лопаты, но могилы были вырыты. Проще было стащить трупы в одно место и сжечь. Но Шэйраду требовалось именно похоронить своих родичей, как кровных, так и названных, по людскому обычаю. Чтоб они хоть в смерти стали подобны людям, сделали то, что не могли при жизни.

Шэйрад пересчитал курганы, в изголовье которых воткнул мечи, служившие покоящимся под толщей земли. Преклонил колени в молчаливом прощании, потом вскочил на коня и дал шпоры. Больше он не возвращался.

В обширном зале на самой верхушке торчащей как шпиль башне, давшей название Замку Теней один закутанный в черный балахон и мантию преклонил колени перед вторым. Второй рассмеялся. И от звуков этого смеха стало бы жутко любому записному смельчаку.

–Видишь, Элозар, мои методы действеннее твоих. Тьма достучалась до мальчишки. Правда пришлось пожертвовать другими, теми мальчишками, стариком и воином. Но, говорят, дело того стоит.

–Кто говорит? – спросил тот, что преклонил колени. Спросил он просто так, чтобы сотрясти воздух. В действительности же пустые холодные глаза неотрывно следили за первым, лордом Ириодалом, перемещавшимся по залу, – Он стоит спиной ко мне, – думал Владыка Льда, – Ах, как приятно было бы вонзить меч в его тело, перерезать горло...но нельзя. При нем Меч Тьмы. Да и Губитель в моих апартаментах, а кроме этого его ничем не проймешь.

–Говорит мой брат. Инквизиторы навещали его. Просили приструнить меня. Они-то приняли Договор, но не я. Так вот, учись, Элозар, учись. Ха-ха-ха. А это для лучшего запоминания материала.

Черные хлысты обвили лорда Элозара, лицо его под капюшоном исказилось от адской боли, но с губ не сорвалось ни звука. Придет время, он и это припомнит. Ох, как припомнит!

Два путника подошли к пепелищу хутора на закате.

–Опоздали, – проговорил полуэльф, скидывая с иссиня-черных волос серый капюшон, припорошенный снегом.

–Гоблюки, хозяина. Моя чуть смрад гоблюков.И смерть, хозяина.

–Да, здесь был бой. И многие погибли.

Они подошли к ряду курганов, насыпанных кое-как. В изголовье каждого был воткнут меч, к нему приторочена береста с именем. Лаэрдинн нашел имя Ардалисса, присел перед могилой.

–Шакур расстроится. Хоть он и возненавидел своего ученика, но все же расстроится. Покойся с миром, Ардалисс, ворлок, ученик мага, спаситель мира. Покойся с миром.

По найденным орком следам они спустились ко входу в подземный коридор. Мановением руки Лаэрдинн раскидал преграждавший путь завал, стрельнул взглядом в тьму коридоров, и в подземелье стало светло, как наверху.

–Хоть какая-то польза от силы Инквизитора, – хмыкнул полуэльф, – Входим.

Уже через три шага сапоги полуэльфа были безнадежно испачканы кровью. Казалось, пол здесь состоит не из камня, а из алой влаги. Лаэрдинн не задерживался, шел, чуть склонив голову набок и сложив руки на груди. Он и так знал, чья это работа и знал, что все гоблины, включая женщин и детей (есть и такие в гоблинском племени) убиты. А Удрук частенько останавливался, осматривал какой-нибудь труп, в полголоса комментируя особо впечатляющий удар, лишивший данного гоблина его жалкой жизни.

–Гоблин – существо не Темное, – произнес наконец Лаэрдинн, – Они – падальщики, маленькие, мерзкие, вредоносные пакостники. Не спорю, многие люди, гномы и эльфы не отказались бы вырезать под корень вообще всю гоблинскую расу. Но, повторюсь, они не творения Тьмы. То, что сотворил здесь ворлок – вот творение Тьмы. Боюсь, что от горечи от утраты родных он потерял голову. Поддался искушению излить свою скорбь в действие, отплатить обидчикам и затушить свои эмоции их кровью. Я его понимаю. Но...но это открыло его Тьме. Боюсь, Удрук, мы зря мерзли в Ледяной пустоши, зря отмахали много ферлонгов, следуя за ворлоком. Он поддался. И стал Темным. Я ошибся, Исмен оказался прав. Человек не творит свою судьбу. Он может лишь чуть оттянуть неизбежное. Предназначение правит всеми. Нам пора возвращаться. Тебе к твоим оркам, а мне – каяться перед Братством. Свет и Тьма, ну почему я ошибся?!

Перед ними открылось голубое окно портала. Орк исчез в нем, а Инквизитор окинул роковое подземелье последним взглядом, разочаровано хмыкнул и последовал за спутником.

Часть 2: Тьма

1

Долина Озер издревле была местом процветающим. Крестьяне возделывали поля, торговали на ярмарках и жили припеваючи без гнета поборов танов, королей или баронов.

Теперь все было иначе. По ночам страшно стало выходить из домов. Да и дома перестали служить надежным укрытием. Не проходило и дня, чтоб в какой-либо деревне не полыхала изба, а то и не одна. В этих местах появилась шайка разбойников, наводящая ужас на всю долину. Поначалу их было не много. Но со временем разбойников становилось все больше и больше. Было известно имя их главаря – Шэйрад, по прозвищу Кровавый убийца. Во всех корчмах висело объявление о поимке «живым альбо мертвым», но ни местная милиция, ни пришлые охотники за наградами успехов не добивались.

Сейчас почти вся банда Кровавого убийцы расположилась в корчме в богатой деревне. Корчмарь устал, раболепно согнув спину, таскать за составленный из всех столов корчмы стол яства и эль. Бандиты поглощали то и другое в невероятных количествах. С кухни доносись характерные стоны – кто-то из разбойников положил глаз на дочку корчмаря.

Отдельно от всех, в окружении особо доверенных и кровожадных приспешников полулежал на стуле, закинув ноги на стол, сам атаман. В одной руке он держал початую бутылку красного вина – лучшего из погреба трактирщика –, к которой часто прикладывался, в другой – баранью ляжку. За плечом покачивалась рукоять серповидного меча. На нее-то чаще всего и косился старик. Он знал, как быстро этот клинок может располосовать человека.

За пять лет, прошедших после резни под хутором лицо Шэйрада изменилось. Детские черты ужесточились, стали резкими, взгляд – циничным, отпущенная для солидности борода превратилась в полноценную бороду. Простая одежда сменилась дорогим дублетом, под которым виднелась расстегнутая сорочка тончайшего шелка, пальцы унизывали перстни, шею обвивала золотая цепь в большой палец толщиной.

На улице застучали копыта, заржала лошадь. В корчму ввалилось еще четверо разбойников, трое сразу примостились за стол, где вовсю шла пьянка, а четвертый подошел к атаману:

– Там это, разъезд конный на тракте. Рыцари, мать их.

– И что курвам не сидится? Назначь охрану, остальные пусть расслабляются.

Охрана не понадобилась. Рыцарский разъезд, явно охотившийся за знаменитой бандой, нашел корчму не без помощи обеспокоенных селян. На звук рога потягиваясь и не выпуская бутылки вышел лично Шэйрад. Лениво зевнул и почти вежливо осведомился, какого это черта нужно среди ночи странствующим горлопанам.

– Я Тиссай де Фреснер, странствующий рыцарь, – сказал тот, что трубил в рог, – Вызываю тебя, грязного разбойника, на честный бой, чтоб не чинил ты больше беспокойства честным людям.

– Ага, – пустая бутылка разбилась около ног каурого рыцарского жеребца, – Вот только я ж грязный разбойник, а они честно не сражаются.

По сигналу атамана, с крыши корчмы, из окон и с крыш случившихся рядом изб полетели арбалетные бельты. Прочие рыцари заматались, кони затанцевали. Лишенные брони и щитов, за которыми укрылись благородные, оруженосцы, сопровождавшие господ, погибли от сыпавшихся стрел, несколько коней под рыцарями пали, кто-то выругался, вытаскивая засевший в сочленениях доспехов болт. Тиссай де Фреснер, между тем, даже не шевельнулся, лишь набросил на безбородое породистое лицо забрало шлема. Шэйрад спокойно стоял на крыльце. Его мало волновали распетушенные юнцы, возмнившие себя поборниками справедливости и чести. Не шевелясь, он наблюдал, как закованных в доспехи рыцарей расстреливают из арба-

летов его бандиты, как приканчивают кинжалами в лицо, сквозь смотровые щели шлемов, как эти же бандиты ловят коней, обшаривают седельные сумки и срывают с мертвых доспехи и одежду. Свар не было, каждый знал, что вся добыча пойдет в общий фонд банды, а потом будет распределена меж всеми головорезами.

Де Фреснер потянул меч из ножен, тронул коня шпорами. Приученный жеребец сорвался с места в карьер. Всадник походя рубанул замешкавшегося разбойника, не успевшего убраться с дороги, не сдержал коня, когда тот протоптался копытами по раненому, потом выставил меч вперед, как пику и, горяча лошадь, полетел к все также неподвижно стоящему на крыльце корчмы Шэйраду.

Тот как-то по-особому сложил пальцы и бормотнул что-то непонятное. Совершенно неожиданно для рыцаря, конь споткнулся о невидимую преграду. Животное упало, ломая ноги, сам де Фреснер по инерции перелетел через конскую голову и растянулся перед разбойничьим атаманом. Головорезы заржали, громче лошадей. Из глаз молодого рыцаря потекли слезы обиды и горечи. Какой стыд! А он-то надеялся со своими друзьями перебить легендарную банду, самоутвердиться, положить отрубленную голову Кровавого убийцы к ногам отца, насмеяющегося над непутевым сыном, начитавшимся романов и наслушавшимся менестрелей. А вместо этого он лежит на заснеженном крыльце захудалой таверны, а на грудь его давит сапог того самого Кровавого убийцы, а шею, тот зазор между шлемом и воротником, холодит неизвестно откуда взявшееся лезвие меча.

–Благородный, говоришь, рыцарь? – сказал Шэйрад, – Знаю я, как с благородными обращаться. Вперед, мальчики.

Тиссай де Фреснер почувствовал, как чьи-то грубые руки освобождают его от доспехов, потом и от одежды. Разбойники отстали, когда рыцарь остался в одном исподнем. Лезвие меча перестало упираться в горло, исчез сапог, давивший на грудь. Де Фреснер вскочил, но Шэйрад пинком отправил его вниз с крыльца. Пока Тиссай поднимался, спину его ожег удар нагайкой, не болезненный, но обидный. Вокруг него на конях его же друзей гарцевали головорезы Кровавого убийцы. На плечи рыцаря упало еще несколько плетей. Под градом стеганий плетями, он побежал, преследуемый конными и их веселым смехом – не каждый день вчерашним землешамам доводится постегать благородного.

–Ладно, парни, подзадержались мы тут, – сказал Шэйрад, наблюдая, как де Фреснера гонят плетями, как собаку. – Пустите тут огоньку для согрева местным и развлечения, да будем покидать сие гостеприимное место.

2

В самом крупном поселке долины, который даже мог похвалиться тем, что отгорожен свежестроганым частоколом, собрались все солтысы и старосты. Многие не слезали с седел почти сутки. Оно и понятно, не каждый день Толстый Гадерик шлет письма «токмо для собственного вашего прочтения», в которых говорит, что может избавить долину от банды Убивца. Все собравшиеся были в этом весьма заинтересованы – не было деревни, поселка или хутора, где Убивец бы не «повеселился» – не пустил красного петуха, не покрошил бы кого-нибудь иль не разграбил подпопы.

Жена Толстого Гадерика обнесла собравшихся пивом и копченым мясом. Некоторое время в комнате слышалось только чавканье и шум пускаемых без зазрения совести ветров. Когда его жбан опустел, а остатки закуски были выковыряны из зубов при помощи ножа, хозяин поднялся, громогласно рыгнул, грохнул оловянной кружкой об стол и начал, когда почти все головы обратились к нему:

–Значится так, братовья. Кровавый убивец всех тута уел. Надо его, значится, турнуть отсюдава.

–Давай-давай, – крикнул кто-то, – Вон шерифы все своим доброхотам жалованья плотют, чтоб тока из милиции не поразбежались.

–Тихо там. Милиция тута не помощник. Ибо сам Убивец и банда его горазды мечами махать, а милиция чуть тока стрела свиснет, так полны штаны дерьма, не за столом будет сказано. Надобно настоящий воинов позвать.

–Звали ужо не раз, – крикнул тот же оратор, – Опосля тока трупы их находили на деревьях.

–Хреновых воинов звали. Я предлагаю настоящих, тех, кто кажный день таких убивцев на завтрак лопают. Токмо ет в деньгу большую встанет, профессёналы они, значится, и в Марук'Кааме профессёналы. На них надобно...

Услышав сумму, кто-то пусти ветры, кто-то крякнул, кто-то еще каким-либо способом выразил свое мнение.

–Знаю, деньгу большую просят. От поентому я вас все тута и собрал. Чтоб, значится, скинуться всем миром. Думайте, братовья, чешите бошки-то.

–А на кой тута думать-то, – на сей раз любитель выкриков с места поднялся, – Я согласен хоть портки свои отдать, лишь бы Убивец больше моих селян не резал, дома их не жег, поля лошадыми своими проклятыми не вытапывал. Ты тока покажи нам ентих профессёналов, Толстый Гадерик, а мы поглядим, что то за птицы. Мож афёризмы какие заезжие.

Дверь в полутемном углу столовой открылась, вошли те самые охотники за головами, о которых шла речь. Неизвестный оратор и прочие сразу поняли – эти-то никакие не «афёризмы» и бандитов всех мастей истребляют пачками, без счету. Один среднего роста, весь какой-то неприметный, серый, в соответствующей одежде, единственным украшением которой были мышинные черепа на плечах, и на перевязи длинного прямого меча и блестящие метательные ножи на груди. Второй едва протиснулся в двери, и в зале от него сразу стало тесно. Этот был еще даже выше спутника головы на две, настоящий великан, чтоб не задевать потолки ему приходилось сутулиться. Фигура этого наемника напоминала квадрат – объем торса был равен росту, мышцы выпирали даже из-под мехового тулупа. Одежда его состояла из уже названного тулупа мехом наружу, коротких шорт того же материала и унтов, оставляющих ляжки открытыми. Гигант опирался на здоровенный шипастый молот, Гадерик мог поклясться, что все присутствующие не смогут этот молот даже поднять. Могучую спину закрывал круглый щит и смехотворно маленький для такого титана двуручный бастард.

–Позвольте представиться, – полуучтиво-полукомично поклонился серенький, – Мышь, это ваш слуга, и Гор – мой косноязычный друг.

–Арракхг!

Однако скептик нашелся, кто-то хмыкнул и отпустил соседу реплику, что, мол, мышьи черепушки и громила-приятель – не показатель. Чуткое ухо Мыша реплику уловило. Говоривший почувствовал, как штаны предательски намокают, когда вдруг в окороке, за которым он потянулся, задрожал нож.

–Вопросы еще остались? – спросил Толстый Гадерик, – Тады раскошелываемся, братовья.

Но Мышь остановил собравшихся:

–Деньги после работы. По предъявлении доказательств. Кстати, какие доказательства предпочитаете?

–Меч Убивца, – крикнул кто-то, – Я в армии служил, но таковых клинков не видал. Меч притащите, деньга ваша. А за остальных, хм, давайте что при них будет, поди кто свои цацки опознает.

–Ммм, ммуа н марррдррр, – заревел Гор

–Мой друг хочет сказать, что мы убийцы, а не мародеры, – перевел Мышь, – Относительно прочих, придется вам на честное слово наше положиться.

–Уговорились, – подытожил Толстый Гадерик, – Вам чего-нить потребно?

–Да, ваших молокососов-милиционеров немножко, чтоб окружение держали. И больше ничего.

3

Мышь и Гор шли пешком. Коней вел в поводу великан: серую лошадку и огромного, по стать себе, першерона северной породы. Позади, далеко позади, осталась та самая деревушка, ставшая местом позора молодого рыцаря Тиссая де Фреснера и местом гибели его друзей. Мышь прятал длинный нос в меховом воротнике от щипавшего мороза, но глаз со следов, уже не четких, не спускал.

– Хорошо, что они не таились и не опасались погони, – бормотал наемник скорее себе под нос, чем другу, – Иначе б мы по этим местам плутали б еще невесть сколько дней. А все чертова метель! Оппа, кажись, пришли. Ну-ка, сдвинь-ка вон-то бревнышко. Да поаккуратнее, недотепа, не задень веревку. Ага. Ха, неплохо устроились.

В отличие от многих других изничтоженных Мышом и Гором шаяк, банда Убивца облюбовала себе не пещеру или грот в скале, а заняла отдаленный хутор, угнездившийся на относительном возвышении. Мышь подозревал, что былых хозяев перерезали, а уж после того занялись перестройкой. Теперь ферма напоминала форт: к ней вела всего одна дорога, на которой явно засели соглядатаи и секреты арбалетчиков, высился добротный частокол. Мышь готов был поклясться, что есть даже тайный отнорок, выходивший на берег озера, где они сейчас стояли.

– Неплохо устроились, курвы. Зовем окружение? Давай, остри свою железку, завтра она понадобится.

С первыми лучами встающего на востоке солнца появились пикинеры милиции. Без шума, как и учил Мышь, они выстроились по берегу замерзшего озера. Сами наемники, прихватив с собой немного людей, пошли по единственной тропе вверх.

Солдат оставили у подножья – незачем рисковать их жизнями. Скоро наткнулись на первый секрет. Мышь исчез на несколько минут. Когда он вернулся, два ножа в его перевязи были покрыты алым, с кинжала, который он держал в руке, капала кровь.

Они залегли в сугробе едва ли не перед самыми воротами в частоколе. По стене ходили часовые с дисциплинированностью хороших солдат.

– А из этого убивца вышел бы хороший охотник за головами, – бормотнул Мышь, – Или королевский офицер. В первый раз вижу, чтоб разбойничья шайка была так организована. Ладно, буйвол северный, давай мне эту штуку.

Гор снял со спины мешок и вытряхнул из него части, из которых Мышь за пять минут собрал двухзарядный арбалет на треноге. Инженер, разработавший эту машину, клялся, что его арбалет пробьет коня с латником навывлет с двойного расстояния. И не солгал – у напарников были возможности испытать оружие в действии. Помимо дальнобойности и силы этот арбалет отличался и тем, что на прикладе его располагалась нашлапка их «хитрых стекол». На Земле, где я сейчас томлюсь в плену и веду свои хроники, это приспособление называют Оптическим прицелом.

– Тут важно подгадать время, – продолжал бурчать Мышь. – Начнем с правого. Смотрим двумя глазами: встретились, разошлись. Смотрим одним в стеклышки и быстренько спускаем тетиву, – первый болт вылетел со щелчком и вошел точно в горло намеченному разбойнику, – Теперь переводим на второго и... – тоже самое произошло и со вторым болтом.

Как только бельт попал в цель, Гор неуклюже затрусил к воротам и вынес их ударом плеча. Следующий за ним Мышь потянул меч. Они оказались в окружении – идеально круглый и пустой двор усеивали полностью готовых к бою головорезов Убивца. Многие даже были в кольчугах, невесть с кого и когда снятых. Сам Шэйрад щеголял в рыцарском доспехе, но без шлема – вчерашняя добыча.

–Стоило догадаться... – разочаровано протянул Мышь, – Чересчур легко нас пропустили.

–А то, – согласился Кровавый Убивец, – Ну, братва, бей убивай.

Человеческая волна налетела на двух охотников за головами. Великан Гор крякнул, раскрутил свой молот, Мышь изготовил меч и трехгранный стилет. С первых же секунд схватки, Шэйрад понял – сегодня удача отвернулась от него и его молодцев. Огромный молот ломал мечи и пики, пробивал кольчуги и перемалывал в кашу все кости. Когда страшное оружие описывало круг, покалеченные и умирающие бандиты просто разлетались в разные стороны. Меч и стилет в руках Мыша производили меньше опустошений, но разили без промаха. Сражался наемник так, словно присутствовал на уроке фехтования: бубнил себе под нос, комментируя происходящее, орудовал клинками красиво, почти эстетично. Шэйрад посмотрел на крышу конюшни, где засел его лучший стрелок, но тот отрицательно покачал головой – слишком велик риск задеть своих. С проклятьем Кровавый убивец сам достал гвихир и бросился в схватку. Первой жертвой он избрал Мыша, отбивающегося от двух противников сразу. Однако охотник не только сумел уйти от удара, который сам Шэйрад, привыкший за последние годы сражаться с безоружными крестьянами или трусоватыми ополченцами, почитал верно смертельным, но и воткнул стилет в глаз одному из своих противников. С разворота он зарубил мечом второго и остался один на один с атаманом. Головорезы, зная мастерство своего вожака, всем скопом атаковали Гора, вокруг которого росла гора тел с расплюснутыми грудинами, проломленными черепами и сдавленными в кашу руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.